

Алексей и Ольга Ракитины *Неоконченный пасьянс*

Серия «Невыдуманные истории на ночь»

Невыдуманные истории на ночь

Алексей и Ольга Ракитины

Неоконченный пасьянс

«Издательские решения»

Ракитины А.

Неоконченный пасьянс / А. Ракитины — «Издательские решения», — (Невыдуманные истории на ночь)

ISBN 978-5-44-857236-4

В основе романа «Неоконченный пасьянс» лежит история расследования громкого двойного убийства, совершенного в апреле 1888 г. в Санкт-Петербурге. Одной из жертв этого преступления явилась сестра известного этнографа и путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая, умершего по странному стечению обстоятельств несколькими днями ранее (в романе выведена под фамилией Барклай). В 2006 г. сокращенный вариант романа вышел в издательстве «Крылов». Настоящее издание является авторским вариантом текста.

ISBN 978-5-44-857236-4

© Ракитины А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	21
3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Неоконченный пасьянс

Серия «Невыдуманные истории на ночь»

Алексей и Ольга Ракитины

© Алексей и Ольга Ракитины, 2017

ISBN 978-5-4485-7236-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Двадцать четвёртого апреля 1888 года, тихим и солнечным днём, уже вовсю пахнувшим весной и неотвратимым скорым летом, в два часа пополудни, в Санкт-Петербурге по Садовой улице в сторону Румянцевского садика двигался пожилой седоусый господин в полувысоком, по последней моде, котелке, лаковых ботинках и тростью в руке. Это был отставной полковник Сергей Викентьевич Волков, человек примечательный во многих отношениях. Несмотря на то, что всю свою жизнь он прослужил по квартирмейстерской части и занимался вопросами тылового обеспечения войск, трудно было найти военного понюхавшего пороха больше него: Сергей Викентьевич был старинным членом стрелкового клуба при Михайловской академии, где почитался признанным мастером стрельбы из пистолетов. Однако, помимо верного глаза и твёрдой руки отставной полковник был известен и другими своими талантами, прежде всего хорошим знанием биржевой торговли и разного рода хозяйственных дел. Благодаря этому многочисленные друзья и просто знакомые частенько приглашали его для проверки отчётности, получаемой от управляющих имениями.

Сергей Викентьевич совершал привычный моцион после вкусного и обильного обеда в ресторане «Венеция». Только маршрут его прогулки был на этот раз несколько необычен: шумная и суетливая Садовая улица с прилегающими Александровским и Сенным рынками была в этот час забита снующими людом, торговцами и мастеровыми, а потому совсем не поддерживала созерцательного настроения и не располагала к неспешным прогулкам. Если бы не особая нужда и всего-то четыре квартала, отделявшие его от цели, полковник избрал бы для прогулки другое место.

Уже вторично за сегодняшний день Сергей Викентьевич Волков по самому что ни есть важному делу направлялся в известный многим жителям столицы дом Яковлева, громадное строение, занимавшее целый квартал и выходившее тремя сторонами на Садовую улицу, Вознесенский и Екатерингофский проспекты. В просторечии именуемый «яковлевкой» этот доходный дом с бесчисленным множеством квартир, невозможными дворами и коридорами-лабиринтами, давал приют огромной массе самого разношерстного люда. В некоторых, наиболее грязных, выходящих во двор полуподвальных комнатах, похожих на казематы, ютилась совсем уж убогая городская беднота. В других же, расположенных повыше, бывших почище и попросторнее, волею домовладельца были оборудованы классические меблированные комнаты – пыльные, душные, темноватые, заселённые мелкими чиновниками, проститутками, студентами, преимущественно из тех, кто по состоятельнее. Но точно в новом ковчеге, приютившем всякой твари по паре, были в яковлевском доме и сравнительно дорогие, «аристократические квартиры», расположенные в высоком бельэтаже и выходившие окнами на проспекты. К ним вели парадные лестницы с гранитными ступенями и витражами в окнах, а в дверях каждого из подъездов дежурил дворник.

В одну из таких «аристократических» квартир и направил свои стопы Сергей Викентьевич. Там жила его давняя знакомая Александра Васильевна Мелешевич, с покойным мужем которой, статским советником, он некогда был очень дружен. В девичестве Александра Васильевна носила фамилию Барклай и чрезвычайно дорожила родством с известным путешественником, исследователем Египта и Полинезии, коему доводилась двоюродной сестрой.

Обменявшись третьего дня записками через лакея, они сговорились на сегодняшнее утро заняться проверкой приходно-расходной книги, представленной Александре Васильевне управляющим её имением в Новгородской губернии. В этой любезности своей старой знакомой Сергей Викентьевич отказать не мог – как ни крути, а была она одинокой дамой, вынужденной взвалить на свои хрупкие плечи заботы не только о всех мелочах хлопотного петербургского быта, но и управление имением за тридевять земель отсюда. Не то, чтобы у Александры

Васильевны совсем не было родных – нет, они были, и даже в избытке, но в силу превратностей семейной жизни своим самым близким и надёжным другом Александра Васильевна могла назвать именно Сергея Викентьевича.

Тем удивительнее оказалось то, что утром никто ему дверь не отворил. Напрасно Волков крутил рукоятку звонка – за дверью отставной полковник не слышал ни звука. Потоптавшись на лестнице и мысленно посетовав на «бабью забывчивость» Александры Васильевны, которая, видимо, успела куда-то умчаться спозаранку, Сергей Викентьевич оставил записку у дворника, дескать, был, не застал, заеду позже и покинул дом Яковлева. Волков решил, что заедет ещё разок часа через полтора-два или чуть попозже. Но это «чуть» растянулось почти на пять часов: сначала отставной полковник отправился в Русско-Азиатский банк, где задержался с оформлением поручения на небольшую биржевую сделку, затем посетил несколько магазинов по пути, а там пришло время обедать... Одним словом, теперь уж Сергей Викентьевич был уверен, что непременно застанет свою знакомую дома.

Вялый, вечно сонный дворник Филимон без интереса взглянул на появившегося в дверях отставного полковника, но потом, словно очнувшись, вышел ему навстречу и протянул Сергею Викентьевичу его же собственную записку.

– Вот-с, извольте видеть, ваше высокоблагородие, в квартиру госпожи Барклай никто не входил. А посему и записку передать было некому-с. Вот-с, возвращаю в целости и сохранности. – дворник назвал Александру Васильевну девичьей фамилией, чего она стала требовать от окружающих после смерти мужа, полагая, что её шотландские корни не должны быть скрываемы неблагозвучной польской фамилией мужа.

– Как так – не входил? – опешил Волков. – А где же в таком случае Александра Васильевна?

– Не могу знать, ваше высокоблагородие.

– Что же, братец, ты и горничную её не видал? – уточнил Сергей Викентьевич, остановившись на втором лестничном марше.

– Никак нет-с, не видел. То есть... видел, но рано утром, совсем рано, ещё до Вашей записки, – став навтыяжку у лестницы бодро отрапортовал Филимон. – Она в мелочную лавку ходила. Потом, вроде, вернулась и больше носа не казала.

– Хм... странно. – озадаченно пробормотал Волков. – Ты, братец, пока не уходи, погоди.

Полковник поднялся по лестнице выше, стал перед массивной дверью в квартиру и покрутил звонок – раз, другой, третий. Колокольчик звенел резко и, как показалось Сергею Викентьевичу, очень громко, он прекрасно его слышал даже через двойные двери. Но вслед за колокольчиком не послышалось ни привычных торопливых шагов горничной Надежды, ни голосов, ни звука открываемых дверей, вообще ничего.

– Что за чертовщина? Что они там, повымерли все? – в сердцах воскликнул полковник. Он принялся трезвонить уже беспрерывно. Вдруг резко остановился, опустил руку и надавил на дверную ручку. Она, к немалому удивлению полковника легко подалась вниз, освобождая защелку, и массивная дверь немного приотворилась.

Сергей Викентьевич переглянулся с дворником. Сделанное открытие не предвещало ничего хорошего. Полковник шагнул в полутёмную переднюю и через четверть минуты послышался его сдавленный крик. Голос был такой, что Филимон сразу понял – полковник увидел нечто из ряда вон выходящее. Дворник стремглав помчался на крик Сергея Викентьевича.

Полковник, бледный и словно одеревенелый, стоял в дверях, через которые можно было попасть в столовую, смежную с передней. Он на секунду остановил свой блуждающий взгляд на Филимоне и негромко пробормотал: «не стой истуканом, поди посмотри», после чего выудил из кармана платок и принялся вытирать лоб. Выглядел он так, что казалось, вот-вот упадёт в обморок. Перемена, приключившаяся с ним менее чем за минуту, была поразительной.

Филимон шагнул из передней в комнату и сразу же отпрянул назад. И было отчего! У самых дверей на полу лежала, вся в крови, горничная Надежда, высокая, статная молодая женщина, примечательная своей роскошной косой до талии. На её шее зияла глубокая страшная рана, широко раскрывшая трахею. Казалось, что на шее появился ещё один рот. Из широкого неровного разреза, задевшего сонную артерию, натекала громадная лужа крови, такая, что и не переступить. Не могло быть никаких сомнений в том, что горничная мертва, с такими ранами люди не живут. Одежда убитой была вся пропитана кровью: и ситцевое платье, и вышитая бисером бархатная кофточка, и кружевной белый передник, и даже юбка. На лице застыло страшное выражение – ужаса, гнева и боли, а тусклые глаза, чей бессмысленный взгляд буравил потолок, были всё ещё открыты.

Несколько секунд мужчины немо таращились на страшную картину. Наконец, полковник справился с приступом дурноты, спрятал платок обратно в карман, и скомандовал:

– Вот что, Филимон, раз такое дело... дуди в свой свисток. А я... мне надо бы квартиру обойти, вдруг и Александра Васильевна...

– Не дело, барин... – негромко уронил дворник и примолк.

– Что не дело?

– В одиночку квартиру осматривать. Вас потом, гляди, к ответу притянут.

Полковник некоторое время обдумывал услышанное, затем кивнул:

– Хорошо, Филимон, пойдём вдвоём. Только в свисток всё же посвисти.

Мужчины вернулись назад, в прихожую и двинулись вглубь квартиры другим маршрутом – через вторую дверь в передней и длинный коридор, в который выходили двери комнат, расположенных справа и слева. Войдя в столовую из коридора, дворник прошёл к одному из окон, выходивших на Садовую, влез на подоконник и, высунувшись в форточку, задудел в свой полицейский свисток. Длинная пронзительная трель полетела над Садовой улицей, привлекая внимание прохожих и дворников окрестных домов. Последние без труда смогут указать квартальному надзирателю, едва тот появится возле дома, кто именно и откуда свистел.

Затем Филимон спрыгнул на пол и вместе с полковником бегло осмотрел квартиру. В остальных комнатах всё было на местах и выглядело самым обыденным образом. Если бы не труп горничной у входа, ничто бы не указывало на свершившееся в этой квартире преступление. Впрочем, хозяйки дома нигде не было видно и слышно – это казалось отчасти странным, но отчасти и успокаивало, ведь коли не было её трупа, оставался шанс того, что Александра Васильевна жива и здорова.

В полной тишине полковник и Филимон покинули злосчастную квартиру. Полковник остался стоять на лестнице перед приоткрытой дверью, а дворник сбежал вниз, отворил дверь на улицу и стал дожидаться появления полиции. Впрочем, ещё до появления квартального, со двора, через небольшую дверь под лестницей, вбежал домоуправляющий.

– Кто трындел? Что за свист?! Филимон, ты свистел?! – рявкнул он негодуя, но увидев полковника Волкова, примолк, вмиг приосанился и степенно спросил. – Вы слышали свист, ваше превосходительство?

Он знал Волкова и прекрасно понимал с кем и как надлежит себя держать.

Домоправитель был рослым кряжистым мужиком лет сорока с небольшим, не то чтобы чудо-богатырь, но крепкий, осанистый. Вот только статью не вышел – его крупное тело помещалось на коротких кривых ногах, и это придавало фигуре комичность и неуклюжесть. Должность домоправителя, а точнее говоря, приказчика при владельце большого доходного дома, была достаточно прибыльной: он был добротен и даже с неким щегольством одет в почти совсем новый сюртук из плотного сукна, под которым красовался лилового атласа жилет с массивной серебряной часовой цепочкой. На ногах, несмотря на апрельскую грязь мостовых – вычищенные до блеска яловые сапоги. Выглядел он раздражённым и встревоженным, мял в руках картуз с модным лаковым козырьком.

– Да уж... – отозвался Волков. – Слышал.

– А чего же случилось? И кто свистел? – любопытствовал домоправитель.

– Я свистел, Пётр Кондратьевич, – подал голос Филимон, стоявший на входе в подъезд и слышавший через приоткрытую дверь слова домоправителя. – Труп у нас, убийство, значит. В квартире госпожи Барклай. Вот-с господин полковник его и обнаружили-с. А я, значит, засвистел.

– То есть как труп??! – опешил домоправитель. – А кто ж погиб, неужели госпожа Барклай?

– Нет, того не видели. Видели только Наденьку Толпыгину зарезанную, царствие небесное девице, хороший была человек, никому обиды не делала. – Филимон с чувством перекрестился и домоправитель следом тоже осенил себя крестным знамением.

– Господи, да что ж это делается, – запричитал речитативом Пётр Кондратьевич. – с Нового года третье убийство в нашем доме. Да когда ж это прекратится? Это ж так жить невозможно! Только вчера на этом самом месте с Надюшкой разговаривал, да как же-шь это так?

– А что, господин домоправитель, Александру Васильевну вы давно видали в последний раз? – довольно бесцеремонно перебил его словоизвержение полковник.

– Да тоже, кажись, вчера поутру. Они меня позвали и велели насчет котов во дворе побеспокоиться – орут, окайнные, по ночам, спать мешают. И ещё сказывали-с, что вроде бы хотят уехать на несколько дней – так чтоб дров теперь, значит, поменьше носили...

– А куда ж это она собиралась уехать, не говорила?

– Нет-с, её превосходительство того не сказывали, а я и не спрашивал. Наше дело маленькое... Сказано «меньше дров», значит, меньше.

В тягостном ожидании прошла минута, может, полторы. Наконец, за парадной дверью послышался голос Филимона и через секунду с Садовой ввалился крупный моложавый детина в новёхоньком синем полицейском мундире. Его подкованные сапоги громыхали по камню, укороченный полицейский палаш в ножнах задевал за предметы окружающей обстановки, стену, лестничные перила, голос обладателя синего мундира был неуместно громок, а сам он – на удивление ретив, не иначе как хорошо поспал, а потом сытно покушал. Вошедший так и сыпал вопросами, на которые Филимон не успевал отвечать, казалось, полицейский говорит сам с собою:

– Ну, что опять кого-то шваркнули? Ты, Филимон, опять всё проспал! Беги за квартальным, я тут посторожу.

Он поднялся по лестнице и стал перед дверью в квартиру Барклай.

– А вы кто такой? – весьма нелюбезно поинтересовался он у Волкова, стоявшего у него на пути. Домоправителя полицейский прекрасно знал, поэтому вопрос его был адресован именно ему.

– Главного штаба полковник в отставке Волков. – сухо отрекомендовался Сергей Викентьевич. – А вы-то кто будете?

– Помощник квартального надзирателя Чемодуров. – важно ответил полицейский. – Степан Иванович... Надобно-с осмотреть место преступления.

– Не надобно. – уронил в ответ полковник, придерживая дверь ногой и не позволяя помощнику квартального пройти в квартиру. – Вам не на что там смотреть. Придёт следователь, вот он пусть и смотрит.

Чемодуров опешил от такого ответа, ему явно не доводилось прежде сталкиваться с подобного рода противодействием.

– То есть это как? – промямлил озадаченно он и не очень уверенно добавил. – А вдруг преступник прячется в квартире?

– Никто там не прячется. Мы с дворником прошли по комнатам, никого там нет. – отрезал Волков.

– А вдруг там форточки открыты?

– Форточки там закрыты. – огрызнулся уже с явным раздражением полковник в отставке. – Квартира богатая, а посему бродить там в одиночку незачем. Явится следователь, он под запись в протоколе и при свидетелях всё осмотрит.

Помощник квартального явно спасовал перед полковником и вопросов более не задавал. Так втроём – полицейский, домоправитель и Волков – они и стояли в полном молчании перед дверью, дожидаясь возвращения Филимона из участка. Не прошло и четверти часа как уже целая команда полицейских поднималась по лестнице в квартиру госпожи Барклай. Впереди, рассекая круглым животом пространство перед собою, продвигался полицейский пристав, за ним – квартальный и два младших чина. Позади поспешал человек в весьма потасканном цивильном костюме с потёртым саквояжем в руках – по-видимому, полицейский доктор. Замыкал группу дворник Филимон.

Увидев ожидавших перед квартирой, пристав остановился, внимательно оглядел полковника – единственного из троицы, незнакомого ему – и сухо представился:

– Пристав четвёртого участка Спасской части Жеребцов Афанасий Степанович. С кем имею честь?

– Волков Сергей Викентьевич, полковник Главного штаба в отставке. Друг хозяйки квартиры, явился сегодня по её приглашению.

– Вы, стало быть, и обнаружили тело? – уточнил пристав, уже осведомлённый о случившемся из рассказа дворника.

– Именно так. Дверь оказалась незапертой. Вошел... и увидел. Позвал дворника.

– Ясно. – кивнул пристав. – Соболаговолите обождать, ваше превосходительство, никуда не уходите. Вас официально допросят.

С этими словами пристав вошёл в квартиру. За ним же последовали полковник, квартальный, доктор и один из младших полицейских. Второй же остался на лестнице в роли часового.

Войдя в квартиру, полковник обессиленно опустился на банкетку в прихожей – казалось, ноги не слушались его. Пристав же прямоком направился к распахнутой двери, где почти у самого порога лежала убитая горничная. Склонился над телом:

– Да-а, милая... И кто ж тебя так? голова почти начисто отсечена... Но, видать, дело давно сделано – кровь запеклась. Впрочем, доктор, сие по вашей части.

Затем внимание пристава привлёк большой, с длинным тонким лезвием кухонный нож, лежавший в шаге в труп в луже крови. Было очевидно, что нож является орудием преступления; он был весь в крови, на рукоятке остался хорошо различимый след окровавленной ладони. Жеребцов присел на корточки, безмолвно осмотрел нож, наклоняя голову и так и эдак, но прикасаться к нему не стал. Поднявшись, он поманил пальцем домоправителя:

– Вот что, Пётр Кондратьевич, потрудитесь-ка домовую книгу сюда доставить. Посмотрим кто в квартире был прописан и кто проживал в действительности. Вас на сей счёт всё равно будут спрашивать, так что приготовьтесь. Не хватало только незарегистрированных жильцов здесь обнаружить.

Домоправитель беззвучно исчез за дверью, а Жеребцов неспешно пошёл по комнатам, заглядывая во все углы и закоулки. Попутно он расспрашивал Волкова о жившей в квартире госпоже Мелешевич, её родне и привычках. Квартира, явившаяся местом преступления, была просторна, длинный широкий коридор разделял её на две большие части. В одной, более нарядной и богатой, находились большая, в три окна, столовая, библиотека и кабинет, все эти комнаты выходили на Садовую улицу. В другой части располагалась уютная гостиная, спальня хозяйки, две полупустых, явно нежилых комнаты, а также пара чуланов, т. е. небольших тём-

ных комнат без окон. Один чулан был занят всякой хозяйственной утварью, а другой, судя по всему, служил спальней прислуги; в нём на грубо сколоченных нарах лежал топчан, а в углу перед иконой Казанской богородицы теплилась лампада. По эту же сторону коридора располагалась большая туалетная комната с ватерклозетом и объёмной латунной ванной. Окна этих комнат выходили во двор, поэтому именно здесь были оборудованы спальни. В самом конце коридора, была кухня, второе по размерам помещение, лишь немного уступавшее своей площадью столовой. Кухня, в которой без труда можно было приготовить еды на роту солдат, казалась слишком большая для одинокой немолодой уже женщины.

Осматривая комнаты, пристав задержался в гостиной возле спальни, где его внимание привлёк полированный ломберный столик с изящной деревянной резьбой по ободку столешницы. На столике был разложен карточный пасьянс.

– Гм-м, куда ж это хозяйка сорвалась, даже пасьянс не окончив? – спросил сам себя Жеребцов.

Волков, ходивший по квартире следом за полицейским, бросил на столик короткий взгляд:

– Пасьянс окончен. Просто он не сошёлся. Ей нужна была карта красной масти не больше восьмёрки, либо чёрной – не больше девятки. А пришёл крестовый валет. Хотя вы справедливо заметили, карты не убраны и сие можно трактовать как не окончание игры...

В квартире царил порядок. Нигде не было никаких следов борьбы: ни разбросанной одежды, ни перевернутой или сдвинутой мебели, как не было и распахнутых створок шкафов и бюро, перерытого белья или какого-либо другого беспорядка. Бросилось в глаза то, что шторы на окнах во всех комнатах, кроме кабинета были задернуты, что создавало некий полумрак в квартире. На маленьком изящном столике в прихожей обнаружили связку ключей от парадной двери: два ключа от наружной двери и один от внутренней. Четвертый ключ, чёрный, массивный, вероятно, был от двери подъезда. Другая связка ключей торчала в дверях чёрного хода. Как и парадные двери, чёрный ход имел две двери, наружную и внутреннюю, с небольшим тамбуром между ними.

Жеребцов, закончив беглый осмотр квартиры, вернулся к труп, над которым колдовал полицейский доктор. Нож, явившийся орудием убийства, был уже извлечён из лужи крови и лежал в прихожей на куске обёрточной бумаги. С обеих сторон трупа были положены доски, по которым, дабы не запачкать обувь кровью, ходил полицейский врач.

Появился домоправитель с толстым фолиантом под мышкой. Наклонившись к уху пристава, он вполголоса доложил о результатах собственных изысканий:

– С пропиской, значит, у нас дело так обстоит: по этому адресу учтены двое – сама хозяйка, г-жа Мелешевич, она же Барклай, 1842 года рождения и её прислуга, горничная Надежда Толпыгина, 1855 года, родившаяся в селе Лыткарино Старорусского уезда Новгородской губернии. Паспорт Толпыгиной был выправлен в Санкт-Петербурге год назад. Вот-с, можете ознакомиться с записью домовой книги.

Домоправитель открыл свой фолиант в месте, заложенном закладкой, и Жеребцов, опустив глаза, прочёл написанное там. Не успел пристав и рта раскрыть, чтобы задать вопрос, как входная дверь отворилась и на пороге квартиры появились два сотрудника столичного Управления сыскной полиции – Агафон Иванов и Владислав Гаевский.

Это была весьма колоритная пара сыскных агентов, при расследовании уголовных дел действовавших обычно вместе. Весь внешний вид Иванова, выходца из ремесленной семьи, жившей во Пскове, носил печать сермяжной безыскусственности; вместо европейской рубашки с бабочкой ему куда лучше подошла бы русская косоворотка, вместо брюк, обычно весьма мятых – шаровары, а вместо туфель – сапоги. Круглое лицо северянина с бесцветными бровями и серыми невыразительными глазами казалось простодушным и даже прямо глуповатым; это обманчивое впечатление погубило, кстати, очень многих преступников. За кажущейся мед-

лительностью рассуждений Агафона Иванова скрывался в высшей степени тонкий и наблюдательный ум, отшлифованный к тому же большим житейским и полицейским опытом. Лишённый всякого гонора и гордыни, Иванов никогда не стеснялся расспрашивать людей более сведущих, и потому, хотя и закончил всего три класса церковно-приходской школы, был человеком на удивление эрудированным в самых разных областях знания. Особый талант Иванова состоял в умении драться «на кулачках», приобретённом ещё дни ремесленной юности. Агафону не исполнилось и двадцати лет, как его стали почитать чуть ли не лучшим во Пскове уличным бойцом. Русского человека, во все времена почитавшего силу и всякого рода молодецкую удаль, довольно трудно чем-либо удивить, но о некоторых подвигах Агафона среди столичных полицейских ходили настоящие легенды. Собственно, и в полицию он попал лишь благодаря своим необычным физическим качествам: сделавшись свидетелем нападения на полицейского в поезде, он помог стражу порядка, побил и выкинул в окно шестерых преступников, после чего сорвал стоп-кран и повязал травмированных падением негодяев.

Высокий и худощавый Гаевский, выходец из польской семьи, являл собою полную противоположность кряжистому и внешне меланхоличному напарнику. Если Иванов казался молчуном и тугодумом, то Гаевский, напротив, производил впечатление жуира и балабона. Подвижный, как ртуть, саркастично-ядовитый, безжалостный в споре к оппоненту, он мог бы казаться раздражающе-невоспитанным, если бы не удивительные шарм и артистизм, совершенно необычные для человека его ремесла. В одежде он отдавал предпочтение пиджакам из мягких ворсистых тканей – бархата и велюра – что вкупе с широкими полосатыми брюками и длинными волосами придавало его облику некую неформальность, присущую то ли художникам, то ли артистам. Темпераментный Гаевский вечно подначивал своего более сдержанного друга и коллегу, на что Иванов никогда не обижался и очень бы подивился, если бы однажды эти мелкие колкости вдруг исчезли из его речи. Поляк считал себя настоящим патриотом России и частенько корил «скобаря» Иванова за недостаток «национального инстинкта». В этих укорах, кстати, была своя жизненная правда, поскольку многие инородцы в ту эпоху являлись носителями имперского мышления куда в большей степени, чем самые что ни на есть русские люди.

Войдя в квартиру и поздоровавшись с присутствующими, Иванов вздохнул и развёл руками:

– Ну вот, Владислав, мы опять раньше всех!

– Мой коллега хочет сказать, что мы опять опередили прокурорских. – поспешил объяснить Гаевский. – Ведь как было бы приятно приехать и сразу послушать господина следователя. Ан нет, как всегда начинать приходится самим... Что же нам скажет господин полицейский эскулап?

– Погибшая женского полу, лет двадцати пяти, нормального сложения без видимых отклонений физического развития. – заговорил врач. – Причина гибели: ножевое ранение шеи. Думаю, ударили несколько раз. Последний удар отсёк голову почти полностью, смотрите, почти до позвоночника рассечено. Удары были нанесены, когда жертва была ещё на ногах; об этом можно судить по тому, как залита кровью одежда – направление потёков крови сверху вниз, от головы к поясу. Большая лужа крови вокруг тела образовалась уже потом, после падения тела. Смерть наступила от острой кровопотери. Нападение было растянуто во времени, по следам крови на полу видно, что жертва перемещалась по комнате. Но это вы потом сами будете изучать. Со стороны жертвы имело место активное сопротивление: обломаны практически все ногти, до мяса. Имеются множественные рассечения ладоней – погибшая, пытаясь, остановить удары, хваталась руками за нож. Допускаю, что в ходе борьбы, погибшая причинила нападавшему телесные повреждения – царапины, укусы или что-то в этом роде. Далее. Время смерти я датирую примерно пятью-шестью часами тому назад. Это сугубо по состоянию засыхающей,

но откуда не высохшей, крови. Точнее смогу сказать после наблюдения за развитием и снятием трупного окоченения.

– Была ли погибшая беременна? – уточнил Иванов.

– На основании визуального осмотра – нет. Точнее можно будет сказать после анатомирования.

– Личность установлена? – спросил Гаевский буднично, повернувшись к приставу.

– Да. Это горничная Надежда Толпыгина. Служила у хозяйки этой квартиры, вдовы статского советника Мелешевич. – ответил Жеребцов. – Погибшая проживала здесь же, в этой квартире, там далее по коридору её чулан. Всего в квартире учтены двое жильцов госпожа Мелешевич и Толпыгина.

– Я хотел бы обратить ваше внимание... – подал голос полковник Волков и замолчал, ожидая, что на него обратят внимание.

– Да, что такое? – живо оборотился к нему Гаевский.

– Позвольте откомендоваться: я полковник Главного штаба в отставке Волков Сергей Викентьевич, старинный друг семьи Мелешевич. Александра Васильевна, хозяйка квартиры, в девичестве носила фамилию Барклай, она доводится двоюродной сестрой известному географу и путешественнику Николаю Николаевичу Барклаю.

– Тому самому, что изучал аборигенов Полинезии? – уточнил Гаевский.

– Именно. Как вы, полагаю, знаете, буквально три недели назад Николай Николаевич скончался. Александра Васильевна видит свой человеческий и гражданский долг в учреждении в его родовом имении музея. В этом доме хранятся некоторые из вещей учёного, имеющие исключительную ценность, как научную, так и ювелирную.

– А что, у полинезийцев существовала обработка золота? – с сомнением в голосе полюбопытствовал Гаевский.

– Николай Николаевич Барклай исследовал не только Полинезию. Свою научную карьеру он начинал с путешествия в Египет в составе немецкой экспедиции. Кстати, именно за свои египетские исследования Николай Николаевич был избран членом Географического общества; если не ошибаюсь, самым молодым за всю историю. Мне известно, что некоторые предметы египетской коллекции Николая Николаевича Барклая хранились именно в этой квартире. Кстати, Александра Васильевна очень трепетно относилась к своему родству с Николаем Николаевичем и в последние годы, уже после смерти мужа, стала требовать от окружающих, чтобы те именовали её именно «госпожой Барклай», а не Мелешевич. Это, конечно, шло против наших обычаев, но такова была её воля.

Гаевский и Иванов переглянулись.

– А вы, Сергей Викентьевич, как здесь оказались? – продолжал задавать вопросы Гаевский.

– Я был приглашён хозяйкой для проверки приходно-расходной книги, представленной управляющим имением. Получил записку.

– Записка при вас?

– Нет, ну что вы. Полагаю, дома. Не имею привычки носить с собою личную переписку.

– Понимаю. Значит, именно вы, ваше превосходительство, и обнаружили тело горничной?

– Так точно.

– А где же сама хозяйка? – внимательно глядя на Волкова, вмешался в разговор Иванов.

– Я этого не знаю. В квартире никого больше нет. Дворник утверждает, что он её не видал сегодня. А приказчик домовладельца – вот он как раз рядом стоит – говорит, что Александра Васильевна вроде бы уезжать собиралась куда-то, но это очень странно...

Все трое – Гаевский, Иванов и Волков – прошли из прихожей в кухню. Сыскные агенты по мере движения по коридору заглядывали во все двери, но в комнаты не входили, дабы

ничего не изменить в той обстановке, которую предстояло зафиксировать протоколом осмотра места преступления.

– Вспомните по возможности точнее, когда именно Вы были здесь? – попросил Гаевский полковника.

– Помню отчётливо: в четверть одиннадцатого. Я ещё на часы посмотрел, потому как подумал – вдруг перепутал время. Я звонил несколько раз, но на звонок никто не вышел. Честно говоря, я не слишком удивился, потому как дамы... Вы же понимаете, народ импульсивный, нервный и кроме того, забывчивый. Подумал, может Александра Васильевна срочно куда-то вышла, или недомогание какое... – и полковник принялся в подробностях рассказывать, как оставил записку дворнику, как потом вернулся сюда в три часа и обнаружил, что квартира стоит незапертая. И дальше – про тело и беглый осмотр квартиры в поисках хозяйки. Рассказывая, полковник протянул Гаевскому записку, которую вернул ему дворник. – Приказчик, Петр Кондратьич, сказал, что Александра Васильевна собиралась куда-то уехать.

– Так-так, понятно, – Гаевский что-то чиркнул в маленький блокнотик. – А скажите, г-н полковник, Александра Васильевна совсем одна жила? У неё что же, не было близких родственников?

– Как не быть? Были, конечно. Два года назад скончался её муж, мой хороший приятель. Дельный был человек, до действительного статского дослужил. А вот сынок, – полковник подался телом вперед и тревожно понизил голос, – непутёвый. Дмитрий Мелешевич. Так вот, сынок по Министерству иностранных дел служит, но так, ерунда, на самой ничтожной должности. Одно название! Но при том мот и кутила. Сущее наказание для родительницы.

– Ну, что ж, спасибо, Сергей Викентьевич, за Ваш исчерпывающий рассказ. Попрошу Вас покуда остаться для составления соответствующего протокола допроса.

Шло время. На место преступления прибыли сначала товарищ прокурора окружного суда Эггле с представителем Следственной части и секретарём, а затем и сам Иван Дмитриевич Путилин, действительный тайный советник, начальник столичной сыскной полиции. Находившийся на вершине своей карьеры пятидесятивосьмилетний Путилин был уже тяжело болен, мучился подагрическими болями, камнями в желчном пузыре и грудной жабой, однако, оставался верен давно выработанному правилу лично посещать места убийств. Начальник столичного уголовного сыска прямого участия в расследованиях уже почти не принимал, но курировал все сколь-нибудь значительные дела, вникая в детали и контролируя агентов, непосредственно занимавшихся оперативно-розыскной работой. Последнее десятилетие было для этого незаурядного криминалиста очень непростым: его много критиковали со всех сторон за разного рода попущения и ошибки, большей частью надуманные, распространялись сплетни о мздоимстве Путилина и незаконных методах его работы. Вскоре после гибели Императора Александра Второго, весьма благоволившего Путилину, Ивану Дмитриевичу пришлось выйти в отставку и с июля 1881 г. и до апреля 1883 г. он прожил вдали от столицы, не рассчитывая более сюда вернуться. Однако, молодой Государь Александр Третий скоро понял допущенную ошибку и Путилин был возвращён на прежнее место начальника столичной Сыскной полиции.

Ивана Дмитриевича Путилина сопровождал «свой доктор», хотя и находившийся вне штата полиции, но выезжавший по его просьбе на места совершения убийств. В силу своего профессионального опыта Путилин не очень доверял заключениям полицейских врачей, предпочитая, чтобы помимо штатного врача труп осматривал специалист, в чьей компетентности он не сомневался. Появился также наряд из полицейской части: ему предстояло обойти дом и поговорить с жильцами, дабы выявить потенциальных свидетелей чего-либо необычного или подозрительного, связанного с квартирой Барклай. Стало людно, по комнатам то и дело сновали полицейские. Пошла обычная следственная работа – составление протоколов осмотра места происшествия и осмотра жертвы, опрос свидетелей.

Когда, наконец, увезли завязанный в простыню труп и закончили с составлением необходимых бумаг, было устроено что-то типа летучего совещания по первым итогам расследования. Пристав сообщил о прописанных в квартире, Агафон Иванов передал показания полковника, доктор доложил о выводах первого беглого осмотра тела жертвы. Гаевский, успевший за это время поговорить с дворником Филимоном и домоправителем, сообщил следующее:

– Филимон Прохоров, уроженец села Бровки Ярославской губернии, служит дворником в этом доме три года. Видимо, он последним видел Толпыгину живой. Было это сегодня утром, в десятом часу. По словам Прохорова, он мёл двор, когда покойная прошла в мелочную лавку и в скором времени вернулась обратно. Выходила и возвращалась она через черный ход, через кухню то есть.

– А откуда он знал время? Часов-то, небось, у него нет? – подал голос Путилин.

– Да уж, конечно, нет, Иван Дмитриевич! Филимон определял время по перемещениям продавщиц цветочного магазина, что живут по третьей лестнице. Дворник говорит, что они спешат на работу к половине десятого. Цветочный магазин находится в доме Пряхина на Сенной, стало быть, выходят они примерно за четверть часа. Толпыгина появилась сразу после них, то есть примерно в девять часов двадцать минут. А вернулась минут через двадцать от силы, потому как мелочная лавка буквально за углом. Таким образом, не позднее девяти часов сорока минут она уже была дома.

– Всё это хорошо, но привязка к перемещению продавщиц в данном случае не очень строга. Осведомись-ка в мелочной лавке, – распорядился Путилин.

– Уже осведомился, ваше высокопревосходительство, – подал голос Иванов. – Я был в лавке. Продавец подтвердил, что Толпыгина была у него примерно в половине десятого, разумеется, с известной погрешностью, ну, минут в пять.

– Хорошо, убедили, – кивнул Путилин. – А как же так получилось, что Филимон мёл двор, а потом встретил полковника Волкова на парадной лестнице и взялся передать записку?

– По его словам, когда он вымел двор, то пошёл в парадный подъезд, – продолжил свой рассказ Гаевский. – Говорит, дверь, ведущая из парадного в дворницкую, покосилась и надо было её поправить.

– И правда покосилась? – с подозрением любопытствовал Путилин.

– Я ходил, смотрел, – заверил Гаевский. – Сейчас дверь снята с петель, Филимон утверждает, что имел намерение переставить верхнюю петлю.

– Пока хорошо. Что было потом?

– По словам дворника дверью он занялся примерно в десять часов утра. Раньше десяти, говорит, стучать не следует, поскольку господа спят ещё. И вот в начале одиннадцатого часа Филимон принял записку от полковника в отставке Волкова. Но долго в парадном дворник не пробыл. Дело в том, что во дворе случился казус: там у них во втором тупичке подвальчик-пивнушка. А рядом ящики сложены пустые из-под бутылок. Так приказчик этой пивнушки крик поднял, дескать, дворники ящики подворовывают и на растопку пускают. Ну, Филимон и побежал своим на подмогу. И было это минутами десятью позже того, как он записку у полковника принял.

– Выходит, что убийство произошло в промежутке между половиной десятого утра, когда Толпыгина вернулась в квартиру и десятью часами десятью минутами, когда на звонок полковника никто не открыл, – веско сказал товарищ прокурора, дотоле сосредоточенно писавший что-то в тетради.

– Я бы не спешил с таким выводом. – ответил Путилин. – Возможно, в то время, когда полковник звонил в дверь квартиры, горничная была ещё жива, но преступник уже проник внутрь и угрозой оружия заставил её молчать. И само убийство последовало позже.

– Да, сие возможно, но несущественно. Для нас важно, что убийство или, проникновение преступника в квартиру, произошло около десяти часов утра, а не в полдень или, скажем,

не в два часа пополудни.– продолжил свои размышления Эггле. – А как преступник проник в квартиру? Есть какие-то умозаключения? Замки кто-то осматривал, окна?

– Я осматривал, – ответил Агафон Иванов. – Чёрный ход заперт. И видимо, таковым оставался во время нападения. Убийца ушёл через выход на парадную лестницу. Замки на обеих дверях – парадной и чёрной – в целости и исправности, без следов взлома и работы отмычками. Все замки открывались «родными» ключами, это несомненно.

– Немного сложно, правда, Агафон? – с улыбкой полюбопытствовал Путилин. – Если только не допустить, что жертва сама открыла дверь убийце. Отсюда задача вам, соколы мои ясные, найти мне паренька, с которым погибшая делила своё ложе. Женщина она была видная, красивая, возле такой непременно должен быть шустренький паренёк. Не рохла какой-нибудь, не увалень, а именно шустренький. Найдите и принесите мне его хоть в зубах. Хочу лично поговорить, так сказать, до составления протокола.

Последовал красноречивый кивок в сторону представителей прокуратуры. Смысл сказанного был тривиален и потому Агафон Иванов лишь понимающе кивнул:

– Так точно, ваше высокоблагородие, уж я его вам отыщу. Да только далеко ходить не придётся. Про любовника Толпыиной нам уже рассказали.

– М-да, и что же?

Вместо Иванова на этот вопрос ответил Гаевский.

– Как сказал домоправитель, – сыщик заглянул в свой крошечный блокнотик, – по фамилии Анисимов, у Толпыгиной был дружок, некто Влас Дмитриев. Служил приказчиком в хлебной лавке здесь же, в «яковлевке». Месяц назад уволился и вроде бы устроился где-то на Апраксином дворе.

Апраксин двор, а в просторечии «Апрашка», был своеобразным криминальным сердцем столицы, настоящим городом в городе. Он только именовался «двором», на самом же деле это был внушительных размеров квартал в центре Санкт-Петербурга, в непосредственной близости от роскошного Невского проспекта. В невероятных трущобных переулках и тупичках «Апрашки» сосредоточилась разнообразная мелочная торговля, зачастую маскировавшая торговлю краденым, сводничество и разного рода нелегальные промыслы от подделки документов до перелицовки ворованных шуб. Эта клоака являлась местом бурной предпринимательской деятельности мазуриков всех мастей, средой обитания городской бедноты и самого настоящего человеческого сброда. В глазах петербургского полицейского того времени работа в Апраксином дворе характеризовала человека с наихудшей стороны.

– Что ж, очень хорошо. Вот и доставьте мне этого Власа Дмитриева. – сказал Путилин. – А заодно ответьте господину товарищу прокурора окружного суда, что там с окнами?

– Окна с зимы не открыты и покуда немыты. Стёкла целы, форточки – закрыты изнутри, подоконники внутри и откосы снаружи подозрительных следов не имеют, – скороговоркой отрапортовал Иванов. – Полагаю, проникновение с улицы через окна можно отбросить как совершенно нереальное.

– Я понял, – подытожил Эггле, быстро что-то записывая в своей тетради. – Исходим из того, что либо убийца имел ключи, либо погибшая сама открыла ему дверь. Тут без вопросов. Но мне представляется чрезвычайно важным вопрос о мотиве убийства. Чего преступник хотел добиться содеянным?

Возникла пауза. Вопрос был вовсе не так прост, как мог показаться, а потому никто из присутствующих не спешил с ответом.

– Александр Борисович, вы составляли протокол осмотра места преступления, так вам и вожжи в руки, – не без иронии в голосе проговорил, наконец, Путилин, обращаясь к Эггле. Начальник столичного сыска был намного выше чином товарища прокурора, да и возрастом постарше, а потому на его иронию тот никак не мог обижаться.

– Что ж, Иван Дмитриевич, возможно, вы и правы, – согласился Эггле. – Попробую проанализировать. Ничто не указывает на ограбление – в квартире полный порядок. Значительное количество ценных предметов обнаружено в библиотеке, я даже затрудняюсь определить ценность этих археологических древностей, но очевидно, что все эти статуэтки и фигурки из золота привлекли бы внимание грабителя. То, что коллекция ценностей оставлена убийцей нетронутой, наводит на мысль о сведении счётов в качестве мотива. Но тем не менее, я бы пока не сбрасывал со счетов вероятность того, что Толпыгина могла оказаться совершенно случайной жертвой. Другими словами, полагаю, что могла быть предпринята попытка ограбления или кражи, но появление горничной спутало преступнику карты. В любом случае, необходимо разыскать хозяйку квартиры и допросить её с максимальной тщательностью. Где, кстати, она может быть?

– Домовый приказчик Анисимов утверждает, что вчера она, якобы, собиралась уехать на несколько дней, – ответил Гаевский. – Полковник Волков сообщил, что Александра Васильевна Мелешевич владеет имением в Новгородской губернии, подле села Рождественское, это близ города Боровичи. Кстати сказать, полковник был немало удивлён тем, что она неожиданно уехала, даже не предупредив его. Ведь полковник за тем и приезжал сегодня к хозяйке квартиры, дабы вместе с нею проверить отчётность по этому самому имению.

– Возможно, в имении произошло какое-то неординарное событие... мало ли... пожар, паводок... Ей дали знать и она сорвалась. – подбросил мысль Иванов.

– Вы посылали человека на почту? – Путилин оборотился к приставу.

– Так точно, ваше высокопревосходительство, никаких телеграмм, никаких писем Александра Васильевна не получала, – бодро отрапортовал Жеребцов. – Последняя личная корреспонденция её датирована прошлым понедельником.

– Что ж, подытожим, – веско, со значительностью в голосе проговорил товарищ прокурора. – Пока за основную версию принимаем убийство по личным мотивам – из ревности или мести. Для этого проверяем круг общения Толпыгиной. Исходим из того, что она знала убийцу, которого без опаски впустила в пустующую квартиру. Первый на подозрении – Влас Дмитриев.

При этих словах товарища прокурора Путилин многозначительно указал карандашом на Иванова и Гаевского. Это могло означать только одно: поиск и привод Дмитриева им придётся взять на себя.

– Далее, – продолжал Эггле, – я бы желал видеть госпожу Мелешевич. Возможно, она окажется в курсе дел своей горничной и сможет многое нам рассказать. Кроме того, она должна подтвердить сохранность вещей в квартире, прежде всего тех раритетов, что мы опечатали в библиотеке. Опросите дворников, всех. Возможно, кто-то из них ходил за извозчиком и явился свидетелем её отъезда.

– Владислав, это тоже ваше, – проговорил Путилин, обращаясь к Гаевскому. – А вы, Агафон, живо метнитесь-ка на Николаевский вокзал, наведите там справки. Да прихватите с собой фотографию Александры Васильевны – вон их сколько в квартире развешано. Наверняка кто-то опознает её, ведь не так много людей поедет в будний день первым классом до Боровичей.

– Так точно, ваше высокопревосходительство.

– И вот ещё что, – продолжал распоряжаться Путилин. – Дайте с вокзала телеграмму в адрес полиции Боровичей. Пусть пошлют какого-нибудь «шнурка» в Рождественское, в имение Барклай, а потом доложат, там ли она. Сегодня они, конечно, не успеют, но завтра, глядишь, мы получим ответ. Да поторопи их, братец, поясни, что речь идет о убийстве. Впрочем, что мне тебя учить, сам всё знаешь.

– Всенепременнейше сделаю, Иван Дмитриевич.

Помощник прокурора, убедившись, что Путилин закончил отдавать распоряжения, продолжил:

– Теперь несколько слов по поводу орудия убийства. Мы имеем кухонный нож с лезвием длиною вершок с четвертью, что примечательно, с рукояткой из бука. Такие ножи обычно продаются наборами. Но в квартире госпожи Мелешевич похожих нет. Вполне вероятно, что преступник принёс его с собою. Сие указывает на умысел, но мы не будем пока забегать вперёд. На клинке хорошо читаемое клеймо, если не ошибаюсь, мастерских «Франко-Русского завода». Значит, нож местного изготовления. Я просил бы господ полицейских принять на себя труд установить, когда он был изготовлен, а также кем и когда куплен.

Эггле выразительно посмотрел на Путилина. Начальник сыскной полиции в свою очередь посмотрел на Иванова с Гаевским. Те синхронно кивнули; поставленная задача была столь очевидна, что ничего расшифровывать не приходилось.

– На этом, пожалуй, пока всё, – подытожил товарищ прокурора. – Далее я действую по своему сценарию, отправляюсь на доклад к прокурору, подписываю постановление о возбуждении и тому подобное, ну а вы, господа сыскари, давайте действуйте по своему. Я так понимаю, что господа Гаевский и Иванов так и будут «работать» по этому делу?

– Да, так и будут, – кивнул Путилин. – Их совместная работа оправдывает себя.

– Тогда, господа, давайте-ка ко мне завтра приезжайте, скажем, часам к трём пополудни. Обсудим первые итоги. – Эггле поднялся, давая понять, что разговор окончен, и принялся прощаться с присутствующими.

Путилин же поманил к себе пристава:

– Вот что, голубчик. Квартиру надо опечатать...

– Так точно, ваше высокопревосходительство.

– Ты, Жеребцов, меня не перебивай, я пока не всё сказал, – досадливо поморщился Путилин. – Вот тебе три рубля из секретного фонда Сыскной полиции. Давай живо в ближайшую скобяную лавку, сам метнись или человека бесполезного пошли, но живо купи пару навесных замков и две пары накладных «ушек» понадежнее. Литые бери чугунные, а не гнутые стальные. Стальные «ушки» я у тебя на глазах пальцами сломаю. Инструмент столярный раздобудь на часок – стаместочку, там, молоточек – но только не у здешних дворников. Тихонько, чтоб никто из здешних не знал, с обоих входов навесь замки на внутренние двери. Ключи от замков отдашь сыскным агентам, неважно кому, Иванову или Гаевскому. А опечатаешь наружные двери... Хорошо меня понял, Жеребцов?

– Так точно, ваше высокопревосходительство. Опечатываю первые двери, замки навешиваю на вторые!

– Молодец, хорошо научился разговаривать, – одобрил Путилин. – Только много не болтай. Поторопись, братец, одна нога тут, другая – там.

– Ваше высокоблагородие, а можно ли в скобяную лавку вместо себя послать урядника? – поинтересовался пристав.

Путилин на секунду задумался над неожиданным вопросом.

– Да хоть чёрта лысого на кочерге пошли, Жеребцов. Мне надо, чтобы ты навесил замки на внутренние двери, а ключи отдал моим людям. И чтобы проделано это было быстро, без шума и лишних слов.

Жеребцов отдал честь и с печатью мрачной решительности на челе выбежал за дверь. Казалось даже удивительным как такой тучный человек может столь шустро пробегать дверные проёмы, не задевая каблуками порогов.

Полицейские постепенно расходились кто куда. В присутствии двух дворников полицейские из местной части принялись заклеивать «маячками» все рамы и форточки. «Маячком» на полицейском жаргоне именовалась длинная и узкая полоска бумаги с оттиском печати полицейской части. «Маячки» были призваны продемонстрировать неприкосновенность того места, куда они наклеивались. Сейчас этими полосками бумаги была покрыта мебель по всей квартире: плательные и книжные шкафы, трюмо, письменные и даже кухонные столы – все

предметы обстановки по мере составления протокола осмотра места преступления заклеивались «маячками».

Путилин уехал одним из последних. Агафон Иванов вышел на чёрную лестницу, дабы не мешать полицейским в квартире. Урядник, посланный распорядительным приставом за покупками, не заставил себя долго ждать. Он не только привёз всё нужное, но и взялся было ретиво устанавливать купленные «ушки» на внутренней двери, однако, работа у него застопорилась; полицейский явно не знал плотницкого дела. Агафон взял у него стамеску и, не пользуясь молотком, а орудуя лишь одной ладонью, быстро – буквально в три удара – выбил в филёнке нужного размера паз, как раз под «ухо». Урядник, посмотрев, как Агафон стучит по рукоятке стамески голой рукой, подивился: «Однако, рука у вас тяжёлая, господин сыскной агент! Бьёте, поди, больно». Иванов только посмеялся: «Приноси гвоздь, я его кулаком заколочу!». После того, как «ушки» на внутренних дверях оказались приделаны, Иванов навесил на них замок, ключ от которого забрал себе. После этого наружная дверь, выходившая на чёрную лестницу была заклеена «маячком», а Иванов вместе с урядником перешёл в парадный подъезд. Там операция по навешиванию замка на внутреннюю дверь была повторена. Этим проверенным полицейским приёмом был достигнут важный результат – двери в квартиру оказались надёжно закрыты, но снаружи дополнительный замок был незаметен.

Агафон Иванов, покончив с опечатыванием квартиры, отправился в контору домоправителя.

– Вот что, господин Анисимов, вам поручается организовать надлежащий присмотр за квартирой госпожи Мелешевич до тех самых пор, пока не появится хозяйка, – веско сказал ему сыскной агент. – Поручите дворникам смотреть за парадной и чёрной лестницами. Да как следует, без дуриков чтобы...

Иванов строго глянул на приказчика, и взгляд его не сулил ничего хорошего.

– Не беспокойтесь, господин агент, всё сделаем в лучшем виде, – закивал точно китайский болванчик домоправитель. – Ни в чём не сомневайтесь.

– Головой отвечаете за сохранность квартиры. – продолжал между тем Иванов, не обращая внимания на слова Анисимова. – Дело серьёзное, серьёзнее некуда... А если барыня Александра Васильевна объявится, немедленно дайте знать в полицейскую часть.

Расставшись с домоправителем, Агафон Иванов вышел на Садовую улицу. Перед дверью парадного подъезда его дожидался пристав. Полицейские – один в форме, другой в штатском – двинулись к остановке конки, разговаривая на ходу.

– Скажите пожалуйста, а почему это господин Путилин распорядился ещё один замок на каждую дверь внутреннюю дверь повесить? – недоумевал Жеребцов.

– Да как сказать, господин пристав... Богатая квартира без присмотра, хозяйка неизвестно где. Так пусть уж лучше под нашим замком остаётся, ключа от которого ни у кого нет – мы это точно знаем, – усмехнулся Иванов. – Старый приёмчик... Кстати, вы обратили внимание на то, что парадная дверь не была заперта на ключ, а только прикрыта, потому и поддалась под рукой полковника? Как полагаете, почему убийца, выходя, не закрыл её ключом?

– Боялся шуметь.

– Вот именно. И ещё боялся медлить у двери. Значит – что? Знал, что внизу работает дворник. – резюмировал Иванов.

– Но ведь ему всё равно предстояло пройти мимо него, чтобы выйти на улицу. Если Филимон действительно занимался перестановкой петли, то он должен был видеть выходящего убийцу, – пристав задумался немного над сказанным и добавил оговорку. – Ну, почти наверняка.

– Это в том случае, если убийца пошёл вниз по лестнице, на улицу. А если он пошёл вверх, то Филимон никак его видеть не мог, – весело парировал сыщик. – Кроме того, преступ-

ник, слышав возню Филимона, мог просто стоять за приотворённой дверью и дожидаться, когда дворник уйдёт. После этого преступник спокойно вышел из парадной.

– Стало быть, в ту самую минуту, когда полковник Волков звонил в квартиру, убийца мог находиться за дверью.

– Это вполне вероятно, – согласился Иванов. – Либо он буквально минутами разминутся с полковником, либо действительно, стоял за дверью и переждал, пока тот уйдёт.

2

Сотрудников сыскной полиции недаром частенько называли неласковым словом «ищейки». Так же, как и охотничьи собаки, они были призваны выслеживать свою цель и идти по её следу до тех пор, пока им не представится случай вцепиться в неё мёртвой, безжалостной хваткой. Как и собаки, сыщики занимались своим ремеслом вовсе не за похвалу, не за сахарную косточку, а в силу присущей им внутренней потребности. Либо была эта потребность в крови – и тогда полицейский становился хорошим сыщиком – либо её не было – и в этом случае вкус к подобной работе невозможно было привить. Труд сыскного агента был связан с регулярными выездами на места совершения преступлений, осмотрами трупов, бесконечными разъездами, встречами с людьми, беготнёй по всему городу, зачастую бессмысленной и неоправданной. Иной раз целые сутки агенту приходилось проводить на ногах. Порой в него стреляли из пистолета или совали под рёбра нож. Гораздо чаще пытались пнуть или тривиально плюнуть в лицо. Одним словом, никакого морального удовлетворения человек несведущий не смог бы отыскать в этом в высшей степени тяжёлом и грязном труде. Но, как это не покажется парадоксальным, именно такой труд был способен делать людей счастливыми. «Мы выходим на улицы и улицы становятся чище», – любил повторять Путилин, и слова эти вполне можно было бы поместить на герб столичной Сыскной полиции, если бы таковой кто-нибудь надумал рисовать. Люди, попавшие в ряды сыскарей во времена Путилина не уходили оттуда добровольно. Текучки кадров не было вовсе, и высшим наказанием начальника считалось отстранение провинившегося от дела.

То ли дело – работа прокурорского следователя – сиди себе, бумажки перекладывай. Выписывай отношения, ордера, постановления и выписки из дел. Командуй сыскарями, рапортуй начальству. Вшивай бумажки в дело. Пересчитывай их, описывай и опечатывай. Проводи допросы и тоже вшивай их в дело. С ума можно сойти от такой рутины. Никто с ножом не бросится, даже горло никто перегрызать не станет. Тоска! Подозреваемого сыскари на аркане притащат, причём, нередко уже во всём сознавшегося. Разве ж это розыск?

Примерно так размышлял Агафон Иванов, подъезжая на извозчике к Николаевскому вокзалу. Часы на башенке показывали уже чуть более семи часов пополудни. Главный вокзал столицы, обеспечивавший её связь с Москвой и центральными губерниями, жил в этот вечерний час своей обычной жизнью: доносились гудки паровозов, сновали озабоченные пассажиры, вдоль фронта, выходявшего на Знаменскую площадь, фалангой стояли извозчики. Иванов первым делом направился к дежурному офицеру жандармской команды при вокзале. На всех вокзалах Российской империи, а также в полосе отчуждения железных дорог поддержание порядка было возложено на особые жандармские команды, никак не подчинявшиеся местному полицейскому руководству. Поэтому сыскные агенты были просто обречены на то, чтобы поддерживать с ними самые добрые отношения.

Молодой стройный ротмистр, сидя за большим столом в кабинете дежурного, соседствовавшим с приёмной начальника вокзала и кабинетом командира жандармской команды, был занят делом, требовавшим максимального сосредоточения внимания, а именно – очинял карандаши, которые по мере готовности опускал в гранёную яхонтовую карандашницу перед собой.

– Добрый вечер, господин ротмистр, – поприветствовал дежурного Агафон. – Давненько не встречались, Андрей Павлович!

– Да уж, давно, – с улыбкой отозвался ротмистр. – Почитай, неделю у нас не были, господин Иванов.

Были они старыми знакомцами, и по роду служебных обязанностей видеться им доводилось довольно часто. Между жандармом и сыщиком давно установились добродушно-иронич-

ные отношения, потому как Агафон по простоте своего происхождения принимал на себя роль сермяжного, неунывающего коллеги, а ротмистр Давыдов, сын артиллерийского полковника, только начинал свою карьеру в Корпусе жандармов и никаких оснований кичиться своей службой не имел. Был он куда моложе Иванова, но молодости и неопытности своей не стеснялся, с простоватым на вид Ивановым не чинился и не важничал.

– Я, видите ли, решил ввечеру немного поработать, карандашики очинить. – сказал ротмистр, отодвигая в сторону ножичек и лист с горкою стружки.

– Хорошее дело, Андрей Павлович, – согласился Иванов. – Не всё же в оловянных солдатику играть, правда? надоть и карандаши поточить.

Между полицейскими и жандармами традиционно существовали холодные, если не сказать натянутые отношения. Хотя обе структуры входили в состав Министерства внутренних дел, жандармерия внутри него была обособлена в виде Корпуса жандармов, подчинённого напрямую министру, который традиционно носил звание шефа Корпуса. Поскольку офицеры Корпуса набирались из числа молодых выпускников военных училищ, полицейские почитали жандармов военнослужащими, именовали их «сапогами», и посмеивались над строевой и стрелковой подготовкой жандармских команд, полностью заимствованной из армии. Жандармы в свою очередь считали полицию «штатской организацией», называли за глаза её сотрудников «штафирками» и «шпаками в кителях», и относились к ним как к сплошь лентяям и выпивохам. Ведомственную ревность особо питало то обстоятельство, что политический сыск в Империи, а также контрразведка были отнесены к ведению Корпуса жандармов; данное обстоятельство свидетельствовало о Монаршем доверии этой организации и чрезвычайно уязвляло самолюбие полицейских всех рангов.

– Ну уж нет, по оловянным солдатикам у нас есть другие мастера, я всё больше по каруселям. – Давыдов искоса посмотрел на ошетилившуюся карандашницу; торчавшие вверх наточенные грифеля напоминали то ли пики, то ли частокол. – Ну-с, и что же привело Вас к нам на сей раз, господин сыскной агент?

– Надо выяснить, не выезжала ли сегодня в первой половине дня в направлении Боровичей Новгородской губернии некая Александра Васильевна Мелешевич, она же Барклай. Вдова статского советника, дама сорока шести лет. Вот её фотографическая карточка.

Агафон протянул ротмистру портрет в деревянной рамочке, снятый со стены в кабинете Александры Васильевны. Портрету этому было около десяти лет, и на нём Александра Васильевна выглядела молодой привлекательной дамой с маленьким букетиком незабудок в пышных волосах. Большие глаза с поволокой, красиво очерченные губы, изящные ухоженные руки придавали ей вид уверенной в себе светской дамы. Вероятно, ей и самой нравился этот портрет, раз она поместила его на стене в собственном кабинете. Ротмистр взгляделся в фотографию, пытаясь по облику определить, что за личность перед ним, чем бы она могла дышать, и почему этой миловидной дамой заинтересовалась Сыскная полиция.

Между тем Иванов, опережая неизбежные вопросы жандарма, продолжил:

– Она разыскивается как свидетель. В её петербургской квартире найдена убитой горничная. Хозяйка вроде бы собиралась ехать в новгородское имение. Выехала, видимо, сегодня поутру.

Ротмистр выслушал Иванова с большим вниманием, не отрывая глаз от лица на портрете. Железнодорожные жандармы хоть и несли охранную и караульную службу, всё же не являлись военнослужащими в чистом, так сказать, виде. Повседневное общение с большим числом постоянно меняющихся людей, а также необходимость держать в памяти значительное количество чисел и имён, вырабатывали у них прекрасную зрительную и числовую память. Подобно настоящим полицейским жандармы учились составлению словесного портрета. Большим достоинством железнодорожных жандармов была жёсткая дисциплина, заведённая в их рядах; полицейские сколь угодно много могли смеяться над солдафонством своих друзей-вра-

гов, но если жандарм выходил на службу, можно было быть уверенным, что он отработает её как надо. Поэтому Иванов немалые надежды возлагал на то, что жандармы Николаевского вокзала сумеют опознать госпожу Барклай.

– Так. Ну, я-то её однозначно не видел, – сказал Давыдов, отложив портрет в сторону. – Но сейчас мы вам, господин сыскной агент, всё организуем.

Ротмистр спрятал в стол неочинённые карандаши, аккуратно свернул листок с мусором и бросил его в корзину для бумаг. Стол приобрёл теперь нормальный рабочий вид. Удовлетворённый результатом Давыдов нажал кнопку электрического звонка где-то под столешницей. Через десяток секунд в кабинет явился младший жандармский чин, немо встал по стойке «смирно».

– Вот что, Фёдор. Позови ко мне дежурных по второму и третьему перронам и старшего вокзальных артелей, – распорядился Давыдов и, повернувшись к Иванову, пояснил. – Они у нас сутками работают. Дежурный обязан выходить на перрон к подаче каждого поезда и наблюдать за посадкой пассажиров. Теоретически он должен видеть всех, прошедших через его перрон к составу.

Ротмистр вышел из-за стола и подошёл к огромной карте железных дорог Российской империи, занимавшей всю стену.

– Я полагаю, что вашей дамочке подходят следующие поезда... – ротмистр задумался на секунду. – Московский в восемь с четвертью, харьковский скорый, отходящий в половине десятого... только надо уточнить, делает ли он остановку в Угловке, я того не знаю... ну и, что там ещё? опять же московский, отходящий в одиннадцать десять. И это, пожалуй, всё. Московские отходили от второго перрона, а харьковский – от третьего.

– А если спросить кассиров? – подкинул мысль Иванов. – Возможно, её кто-нибудь вспомнит?

– Думаете, она сама брала билет? – с сомнением в голосе ответил вопросом ротмистр. – Хотя, конечно, можно и кассирам показать карточку. Но честно скажу, на дежурных по перронам надежды больше. Они ведь специально людей рассматривают, запоминают багаж и лица, а кассир всё больше за деньгами следит.

Через несколько минут явились вызванные: один из них был в мундире служащего железнодорожного ведомства, двое других – в тёмно-синих жандармских кителях при оружии. Ротмистр начал с начальника артелей:

– Я попрошу вас, Антон Георгиевич, собрать в нашем дежурном помещении всех грузчиков, работавших вчера до полудня на третьем и втором перронах. Сколько вам потребуется на это времени?

– Ну-у, сейчас посадка на астраханский, – мужчина в железнодорожном мундире на секунду задумался поглядев на большие напольные часы в углу кабинета. – Через семь минут он отходит, работники освободятся. У них будет перерыв в двадцать пять минут. Давайте, через четверть часа.

– Договорились. Через четверть часа встречаемся в дежурном помещении команды у перронов.

Железнодорожник вышел и Давыдов обратился к жандармам:

– Вот что, братцы, прошу вас внимательно посмотреть на эту фотографическую карточку и сказать мне, не садилась ли вчера в первой половине дня эта женщина на московские или харьковский поезда. Не спешите, подумайте как следует.

Ротмистр протянул жандармам фотопортрет Александры Васильевны Мелешевич.

– Имела ли она сопровождающих? – уточнил один из жандармов.

Вопрос был по существу, а потому Иванов решил вмешаться:

– Мы не знаем была ли она одна или имела сопровождение. Кроме того, мы ничего не знаем о её багаже. Возможно, вы нам расскажите. Обращаю ваше внимание на то, что сни-

мок, который вы держите в руках, довольно старый. Сейчас этой женщине сорок шесть лет. Она вполне состоятельна, одета прилично и у неё нет причин скрывать или изменять внешность. Билет у неё был в классный вагон, скорее всего, первого класса.

Жандармы внимательно выслушали Иванова и сосредоточились на фотографической карточке. Секунд десять они безмолвно её рассматривали, затем снимок был возвращён ротмистру.

– Определённо, к московским поездом эта женщина вчера в первой половине дня не проходила. – сказал один из них.

Второй тут же добавил:

– На харьковский, с отправлением в девять тридцать не садилась.

Ротмистр отпустил жандармов и, вызвав звонком помощника дежурного по команде, распорядился:

– Побудь возле телефона пока я с господином сыскным агентом пройду по вокзалу. Если меня станут разыскивать отвечай, что я подойду через десять минут.

Однако ротмистр не сразу повёл Иванова в дежурное помещение. По пути они заглянули в кассовый зал, расположенный на входе в здание вокзала. Давыдов отомкнул своим ключом дверь, которая вела в служебный коридор, изгибавшийся буквой «Г»; по нему сыщик и ротмистр вышли к дверям кассовых помещений.

– Мы часом не нарушаем инструкции? – с тревогой в голосе спросил Иванов. – Ведь посторонним категорически запрещено входить в кассовые помещения.

– В другой ситуации я бы, разумеется, вызвал интересующих нас лиц через старшего кассира. Но сейчас его рабочий день уже окончен. Кроме того, дежурный по жандармской команде не является для кассиров посторонним лицом. И дабы совсем уж вас успокоить скажу, что в помещения касс мы заходить не будем, поговорим на пороге, – ответил ротмистр.

В кассах первого класса работали два кассира. Оба внимательно посмотрели на предъявленную им фотографию Александры Васильевны Мелешевич и не смогли вспомнить её среди тех, кто покупал сегодня у них билеты.

– В кассы второго класса пойдём? – любопытствовал ротмистр.

– Это лишнее. Давайте-ка, поговорим к носильщиками, да и закончим на этом, – решил Агафон Иванов. Он всё более мрачнел и почти не испытывал сомнений в том, каким именно окажется итог посещения вокзала.

Помещения жандармской команды представляли собой анфиладу комнат на первом этаже вокзала, через которые можно было попасть в кассовые залы, залы ожидания и на перрон. Если кабинет дежурного на втором этаже был украшен прекрасным паркетным полом и уставлен дорогой кожаной мебелью, то в комнатах первого этажа царила обыденная казённая обстановка, делавшая их похожими на казармы. При переходе страны на военное положение в здании Николаевского вокзала размещался настоящий жандармский гарнизон со своей столовой, оружейной, жилыми комнатами, комнатами для временно задержанных. В обычное же время дежурная жандармская смена примерно соответствовала пехотному взводу.

Перед входом в помещения жандармской команды со стороны перрона уже толпились человек двадцать носильщиков и подносчиков. Первые возили багаж пассажиров на массивных железных тележках, которые были составлены тут же, подле хозяев, вторые носили его на руках. И те, и другие были облачены в форменные робы, наподобие рабочих блуз; на груди каждого висел номерной жетон. Рядом с ними находился старший вокзальных артелей, который и обеспечил явку всей этой братии к назначенному времени. Ротмистр Давыдов поднял руку, привлекая внимание собравшихся, и объявил: «Вот что, соколы мои ясноокие, сейчас вслед за мной проходим внутрь комнаты для приёма заявлений и выстраиваемся в шеренгу вдоль перил. Не галдеть, не трындеть, в пол не плевать и не сморкаться, в дверях давки не устраивать!» Ротмистр пустил Иванова вперёд, а затем прошёл и сам; за ними потянулись грузчики.

Помещение, в котором очутился Иванов, было ему хорошо знакомо – это была так называемая «комната приёма заявлений». Ровно посередине она делилась на две половины высокими, до человеческого пояса, перилами; посетители должны были находиться по одну их сторону, а дежурный жандарм со своим письменным столом – по другую. В момент появления ротмистра Давыдова с грузчиками, дежурный фельдфебель что-то выяснял у женщины с маленьким ребёнком, которого она усадила на перила. По команде Давыдова фельдфебель вывел дамочку из комнаты и носильщики выстроились вдоль перил.

Ротмистр прошёл вдоль строя, пошевелил носом, словно принюхиваясь, и пошутил:

– Кто выпил – пусть дышит в себя.

Встав перед строем, ротмистр оглядел «яснооких соколов» и внушительно произнёс:

– Сейчас к вам обратится господин в штатском налево от меня. Выслушайте его внимательно, отнеситесь к сказанному серьёзно. Ваше содействие требуется по делу весьма важному. Прошу...

Он кинул Агафону, и сыскной агент, также встав перед строем, заговорил:

– Вам будет предъявлена фотографическая карточка женщины, которая, возможно, сегодня в первой половине дня садилась в поезд от второго или третьего перронов. Неизвестно как она была одета. Также мы ничего не знаем о том, сопровождал ли её кто-либо. Карточка старая, сделанная лет десять назад, сейчас этой женщине сорок шесть лет. Посмотрите внимательно, ничего друг другу не говорите. Если кто-то её узнает, пусть молча сделает шаг вперёд и ждёт пока я с ним поговорю.

Подойдя к крайнему носильщику, Иванов вручил ему фотопортрет Барклай:

– Посмотри, братец, и передай дальше.

В полной тишине карточка пошла по рукам. Иванов дождался, пока все носильщики посмотрят снимок, принял его из рук последнего и произнёс:

– Кто видел эту женщину сегодня в первой половине дня, пусть сделает шаг вперёд.

Шеренга носильщиков стояла не шелохнувшись. Сыщик некоторое время подождал, рассчитывая на то, что кто-то опомнится и шагнёт из строя, но этого не случилось. Ротмистр, поблагодарив носильщиков за службу, отпустил их.

– Ну что, господин Иванов, не получилось у вас отыскать след дамочки... – полувопросительно-полуутвердительно проговорил ротмистр, когда вышел на перрон вместе с сыщиком.

– В данном случае трудно сказать какой результат был бы положителен, – задумчиво ответил Иванов. – Хотя для самой госпожи Мелешевич лучше всё же было бы уехать из города. Спасибо, ротмистр, за содействие, с вами легко работать.

– Ну что вы! – отмахнулся Давыдов. – Каждый из нас просто делает то, что должен.

– Мне бы, Андрей Палыч, телеграмму дать становому в Боровичах. Отведёте меня к вашему телеграфисту?

– Да пожалуйста! Это без проблем.

Железные дороги Российской Империи имели собственные телеграфные сети, независимые от Департамента почт и телеграфов. Предназначались они для передачи служебных сообщений, но ведь и Агафон Иванов собирался передать вовсе не любовную весточку. Он выполнял распоряжение начальника Управления Сыскной полиции, хотя теперь, после разговоров с вокзальными работниками, Иванов был уверен, в полной бесполезности посылаемой телеграммы. Он почти не сомневался в том, что ни в какие Боровичи Александра Васильевна Барклай с Николаевского вокзала не выезжала и Петербурга утром двадцать четвёртого апреля вообще не покидала.

Пока Агафон Иванов работал на Николаевском вокзале, Владислав Гаевский обходил всех дворников «яковлевки». Таковых было четверо и все они клятвенно заверили сыскаго агента в том, что извозчика для госпожи Мелешевич никто из них не брал. Помощь дворника

жильцам своего дома в переноске багажа от квартиры до пролётки была обычным явлением, тем более, когда дело касалось дамы. Потому вопрос о том, каким образом Александра Васильевна добралась до Николаевского вокзала, остался невыясненным.

Затем, сопровождаемый дворником Филимоном, Гаевский разыскал квартиру тех самых продавщиц-цветочниц, что имели обыкновение отпраиваться на работу в девять часов с минутами. Девиц дома не оказалось, но Гаевскому попался свидетель, возможно, более ценный, чем они сами – их матушка. Оказалось, что цветочницы являлись двоюродными сёстрами, и Правсковья Архиповна была для одной из них кровной, а для другой крестной матерью. Женщина не только с точностью до минуты описала Гаевскому распорядок дня девиц, но даже рассказала какими улицами и по какой стороне тротуара («по нечётной, по нечётной!») спешат они в свой магазин. Гаевский уяснил для себя, что сегодняшним утром сёстры действительно вышли из квартиры в девять с четвертью, как это делали обычно. Таким образом, рассказ Филимона оказался верен и сделанная им привязка событий по времени также могла считаться достоверной.

Далее Владислав Гаевский направил свои стопы в кондитерскую лавочку, что расположилась в подвальчике «яковлевки» со стороны Вознесенского проспекта. Это было довольно просторное помещение с длинной деревянной буфетной стойкой, зеркалами по стенам и небольшими столиками на двоих. Такие заведения, особенно в вечерние часы, обычно посещали гуляющие по улицам парочки, студенты, безбилетные проститутки и их потенциальные клиенты. Здесь можно было выпить кофе с какой-нибудь сдобой, либо купить товар на вынос. В кондитерской удивительно вкусно пахло свежей сдобой, ванилью и ещё чем-то таким ароматным, что у Гаевского даже засосало под ложечкой, и он остро ощутил, сколь изголодался за этот день. Румяная, пышнотелая, с роскошной крепкой грудью, молодая кондитерша в крахмальном чепце встретила сыщика милой улыбкой, на секунду заставив его позабыть как о голоде, так и о цели визита.

– Что барин изволит? – спросила она с характерным вологодским «оканием» и Гаевскому, бывшему всегда истовым любителем крупных женских форм, пришлось сделать невероятное усилие над собой, чтобы отвести взгляд от её груди и сострогать в качестве ответа более или менее внятную фразу.

– Да я вот, милая, бывшего приказчика вашего, Власа Дмитриева, ищу, – пробормотал Владислав. – Можно с ним поговорить?

– А вам он на что? – поинтересовалась красавица, явно наслаждаясь произведённым на мужчину эффектом.

– Да я вот, милая... – взгляд Владислава снова упал на грудь женщине и более уже не поднимался. – Деньги я ему должен. Давно брал, потом уезжал, а долг – он ведь такой! – карман жжёт.

– Так он на «Апрашке» в хлебном доме купцов Пантелеевых теперича устроен, – неспешно ответила кондитерша; голос её, мягкий, густой и обволакивающий, необыкновенно подходил всему облику торговли, усиливая впечатление женственности. – Сказывал, платят там лучше, да только и мороки больше, чем у нас...

– Да что ты говоришь, сахарная моя... – тяжело вздохнул Гаевский. – Что же мне теперь делать?

Он дёрнул цепочку, извлёк из кармана часы и силой заставил себя посмотреть на циферблат.

– Не смотрите на часы, – участливо произнесла кондитерша, облачиваясь на прилавок и склоняясь к Гаевскому. – Поздно уже.

– Вот и я смотрю, сладкая моя, что поздно уже на «Апрашку» двигать, – вздохнул Владислав, сожалея о глухом, под горло, платье кондитерши, не позволявшем удовлетворить вполне

понятное мужское любопытство; впрочем, данное обстоятельство лишь подстёгивало воображение. – А где живёт Влас, не знаешь ли часом, красавица?

– Нету у меня обыкновения к мужчинам ходить, не таковская я. – ответила женщина с достоинством и Гаевский почему-то нисколько ей не поверил. – Но где Влас обретается знаю: в доме Мухортина в Столярном. Его там казенная собака знает, Влас-то ведь мужик шепутной, сами, поди, знаете...

– Это точно. – согласился Гаевский. – Влас – он такой. У Мухортина, значит, говоришь?... А как тебя-то звать, милая?

– Матрёна я.

– А налей-ка, Матрёна, мне чашечку горячего шоколаду, – попросил Гаевский. – Я хоть шоколад не люблю, но из твоих рук выпью. И потом... дай что-нибудь вкусное голодному мужчине. Есть у тебя что-нибудь эдакое для меня?

– Для голодных мужчин, особенно когда они такие обходительные, как вы, барин, у нас всегда что-нибудь найдётся. Хотите горячую свежую булочку с маком? Наш Пётр мака не жалеет, кладёт в палец толщиной, вкуснота-а... Иль, может, чего другого хотите?

Она качнула головою в чепце в сторону застеклённой витрины, заполненной разного рода кондитерскими вкусностями, но Гаевский даже глазами не повёл в ту сторону.

– И булочку вкусную хочу и «чего другого» для голодных мужчин тоже хочу, – с улыбкой ответил он, развлекаясь двусмысленностью беседы.

– Это чего же, например? – кондитерша сделала наивно-изумлённые глаза; она, похоже, тоже развлекалась пикантным разговором. – Что могут желать голодные мужчины? Может, какой-то сдобы с кремом?

– А вот, скажем... – Гаевский на секунду задумался. – Скажем, погулять вместе?

– Можно и погулять, – согласилась Матрёна. – Говорят, цирк-шапито хороший на гастроль приехал. У Нарвских ворот стоит. Представления казенный день даёт.

– Прекрасно, можно цирк-шапито посмотреть, – моментально согласился Гаевский. – Скажи мне, Матрёна, как ты работаешь, и мы с тобою выберем время для похода в цирк.

Менее чем за минуту сыщик назначил кондитерше свидание и, расположившись за столиком в углу, с аппетитом съел роскошную, почти на фунт весом, булочку с маком и выпил какао. Матрёна, обслуживая покупателей, заговорщически поглядывала в сторону Гаевского, а тот ей всякий раз подмигивал, чем, видимо, чрезвычайно забавлял женщину. Из кондитерской сыщик вышел очень довольный результатами своего визита. «Агафон будет ржать как кирасирский жеребец, когда узнает, что у меня назначено любовное свидание в цирке-шапито», – подумал Гаевский и сам же от души расхохотался.

Столярный переулок, выходящий к Екатерингофскому каналу, был известным в округе «питейным местом». Был он коротеньким, всего в несколько домов по каждой стороне, но в каждом из них помещалось по одному, а то и по два питейных заведения: рюмочные, чайные, портерные, винные погребки, а то и просто распивочные под безыскусным названием «Водка».

По пути Гаевский завернул в полицейский участок, располагавшийся в угловом доме при входе в Столярный. Там, представившись, он взял в поддержку себе квартального надзирателя и его помощника. В таком усиленном составе группа направилась в дом Мухортина – закопчённый клоповник в самом конце Столярного.

Квартиру Власа Дмитриева полицейские нашли быстро, собственно, они её и не искали – домовый дворник показал дорогу и сопровождал до порога. Влас снимал комнату в довольно большой и грязной квартире первого этажа. Он оказался дома и встретил незваных гостей без удивления и очень спокойной, видать, выдержанный был человек, выглядел он кряжистым, крепким, из тех, о ком в России говорят «ладно скроен, крепко сшит», возрастом около трид-

цати лет. Бледное лицо с синими кругами под глазами выдавало в нём давнего жителя Петербурга. Судя по всему, он собирался в баню: на столе лежал развязанный узелок с бельем, а в руках он держал бритву и зеркальце в дешёвой плетёной ивовой рамке. На вошедших полицейских взглянул мрачно, исподлобья.

– Ты Влас Дмитриев будешь? – осведомился у него Гаевский.

– Ну, я. А что надо-ть?

– Бритву положи-ка на стол, а сам стань вон туда. – Владислав указал ему на противоположный угол комнаты.

Влас подчинился приказу, ничем не выразив недовольства или недоумения.

– Скажи-ка, братец, ты знаком с горничной Надеждой Толпыгиной? – поинтересовался Гаевский.

– Ну, знаком.

– Тогда собирайся. Поедешь с нами.

– Куда это?! – вскинулся Дмитриев.

– Куда я скажу.

– По-человечески сказать можете?

Вопрос прозвучал резонно. В конце-концов, любой человек имеет право знать, куда его собирается доставить полиция.

– В Сыскную поедем, – ответил Гаевский. – На Гороховую, значит.

– Да что случилось?! За что меня? – удивился он.

– Много текста, Влас, – остановил его Гаевский. – Там всё узнаешь. Лучше скажи, кем она тебе доводится?

– Толпыгина, что ль? Н-ну... – протянул, смущаясь, Влас. – Полюбовница она моя.

– Что ж, хорошо, – удовлетворённо сказал Гаевский. Подойдя к столу, он принялся перебирать сложенные там вещи: чистые портянки, простыня, пара чистого исподнего белья, кусок мыла. Ничего особенного, человек собрался в баню.

– Что «хорошо»? – не понял Влас.

– Хорошо, что врать не стал, – пояснил сыскной агент. – А где грязное белье держишь?

Дмитриев ничего не ответил, но это и не требовалось – Гаевский сам увидел плетённый из лозы короб в углу. Подойдя к нему, он откинул крышку и стал ворошить содержимое.

– Зачем это? Что вы делаете? Это что, обыск в моём жилище? на каком основании? – занервничал Влас. – У вас смотровой ордер или как это там именуется? За подписью прокурора.

– Во время расследования дела по горячим следам следственные действия полиция может проводить без постановления прокурора. – спокойно пояснил Гаевский. – На это отводится двадцать четыре часа с момента открытия факта преступления. Так что закона я не нарушаю, не кипятись. Никто тебя ни в чём запутывать не собирается, не беспокойся, кому ты нужен? Нам просто надо разобраться...

– О каком преступлении вы говорите?

– Поедешь с нами и узнаешь, – закончив осмотр вещей в коробе, Гаевский повернулся к Дмитриеву. – Но это явно не всё бельё. Где ещё?

– Вон ещё в мешке под лавкой. Приготовил прачке снести, – буркнул Влас.

В полной тишине Гаевский осмотрел вещи из указанного мешка. Затем методично осмотрел сундук с вещами Дмитриева и переворошил его кровать на самодельном лежаке, сколоченном из нетёсаных досок. Сыскной агент не обнаружил никакой одежды или обуви с подозрительными пятнами, ничего такого, что хотя бы каким-то образом могло связать Дмитриева с убийством Толпыгиной. Влас Дмитриев, насупившись, всё это время просидел на табурете в углу. Он понял, что спорить и доказывать что-то сейчас бесполезно, поэтому молчал и раздражённо сопел.

– Ладно, с этим всё понятно, – подвёл итог своим розыскам Гаевский. – Покажи-ка руки!

Повинуясь приказу, Влас вытянул перед собой обе руки, а Владислав, перевернув их ладонями вверх, внимательно оглядел кожу. Никаких подозрительных повреждений – царапин или порезов – на руках не было. Сыскной агент составил уже вполне определённое мнение о возможной виновности этого человека; теперь подобное мнение должен был составить начальник Сыской полиции Иван Дмитриевич Путилин.

3

Утро двадцать пятого апреля 1888 года выдалось очень солнечным и тихим. День обещал быть очень тёплым, по-настоящему весенним. С ярким озорным солнцем вмиг повеселели фасады домов, заблестели уже везде намытые окна, умиротворённо заулыбались прохожие, ещё накануне такие мрачные и раздражённые, а воробьи – так те просто сошли с ума. Птицы рядами рассаживались на чугунном ограждении набережных, подоконниках, откосах карнизов и крышах – словом везде, где был металл, быстро нагревавшийся на солнце. Растопырив крылья и толкаясь, они гомонили без умолку, по-своему приветствуя солнышко и настоящее весеннее тепло.

Иван Дмитриевич Путилин приехал на службу во власти какого-то смутного беспокойства, которое он при всём желании пока никак не мог чётко сформулировать. Что-то ускользающее беспокоило его в связи с имевшим место накануне убийством в квартире Александры Васильевны Барклай. Само по себе убийство горничной, при всей его необузданной жестокости, кровавости и кажущейся нелогичности не было таким уж выходящим из ряда вон событием. Погибшая не была ни особой царской крови, ни купцом-миллионщиком, ни иностранным посланником, в конце концов. В свою многолетнюю бытность начальником петербургской сыскной полиции – почитай аж с 1866 г.! – Путилин сталкивался с гораздо более шумными и «опасными для карьеры», как принято было их называть, преступлениями. В расследовании таковых малейшая оплошность, невнимание или нерадение могли стоить должности, а то и самой свободы. Всякий раз Иван Дмитриевич Путилин с честью выходил из самых безвыходных, патовых, неразрешимых ситуаций. Потому и дослужился до действительного тайного советника и награждён был практически всеми отечественными и многими европейскими орденами. Да и дворянство, кстати, тоже за службу получил, ведь вышел-то он из податного сословия!

И тем не менее, что-то беспокоило его сейчас. В который уже раз он перебирал в уме вчерашние свои действия – не упустил ли чего... И не видел ошибки.

Иванов и Гаевский уже дожидались его, попивая горячий чаёк с маковыми сухариками. Агафон, увидев из окна подъехавшую пролётку начальника, вышел на лестницу, приветствуя Путилина; Гаевский присоединился к нему. Начальник Сыскной полиции, увидев агентов, пригласил обоих в кабинет.

– Ну-с, ребятки, что откопали? – спросил он, расположившись в своём кресле и пробега глазами подготовленную секретарём сводку уголовных происшествий в столице за сутки; Путилин должен был подписать её для представления градоначальнику, который далее отправлялся с этой сводкой на утренний доклад Государю.

Иванов стал докладывать о результатах посещения Николаевского вокзала. Агафон прекрасно знал замечательную способность начальника делать одновременно несколько несвязанных дел, как, например, говорить и читать.

– На вокзале никто из опрошенных грузчиков, кассиров и жандармских дежурных по перронам не помнит того, чтобы госпожа Барклай в первой половине дня садилась в поезд, – закончил своё краткое сообщение Иванов.

– А ты всех спросил? – скорее для проформы уточнил Путилин. – С платформами ничего не напутал?

Общаясь в узком кругу, Путилин позволял себе переходить со своими подчиненными на одностороннее «ты». Выглядело это не как панибратство, а как свидетельство доверия со стороны начальника. Агенты принимали эту манеру безоговорочно, понимая, что такое обращение является знаком искреннего расположения.

– Обижаете, Иван Дмитриевич, старого служаку...

– Ладно-ладно, то же мне, нашёлся старый боевой конь! – усмехнулся Путилин. – Плохо, Агафон, плохо. Сам-то понимаешь, как это плохо?

– Понимаю, конечно, Иван Дмитриевич. Искать надо госпожу Барклай.

– То-то и оно, – вздохнул Путилин. – Телеграмму дал в Боровичи?

– Так точно. Попросил ответить на наш телеграфный узел.

– Ладно, подождём до обеда. – Путилин закончил изучать сводку и, не сделав ни одной правки, подписал её, после чего повернулся к Гаевскому. – А что у тебя, Владислав?

– А у меня все в ажуре, – бодро заверил тот. – Подозреваемый Влас Дмитриев найден и благополучно доставлен в нашу камеру. Сидит со вчерашнего вечера, вас дожидается. Я его специально в неведении подержал, не сказал, за что он взят. Пусть помаринуется. Глядишь, перед вами с ходу «колоться» начнет.

Это был старый и весьма действенный полицейский приём – продержать задержанного ночь без допроса. Давно уже было замечено, что человек с нечистой совестью чрезвычайно болезненно переживает томительную неизвестность и оттяжку в разрешении вопроса о собственной виновности; не зная, что именно ему вменяют в вину полицейские, такой человек обычно проводит ночь без сна и поутру впадает состояние крайнего раздражения. Нередко уже вначале допроса подозреваемый оказывается готов выложить всё начистоту, лишь бы только поскорее сбросить с себя тяжесть ожидания и неизвестности. Разумеется, приём этот не был абсолютно надёжным и порой его эффект оказывался совсем не тот, что ожидали полицейские. Например, подозреваемый мог попытаться покончить с собою, либо впадал в долгую, тяжёлую истерику, делавшую невозможным последующий допрос, но таковые последствия были всё же весьма редки.

– Он при задержании не оказал сопротивления? – уточнил Путилин.

– Ни-ни. Был изумлен – это да. Я его помучил нарочито, квартирку неспеша обыскал, одежду перетряс, вещички там, барахлишко. Он зубами поскрипел, но ничего более, никаких глупостей не делал. Вещички, кстати, все чистые, никаких подозрительных следов.

– Что вообще он из себя представляет?

– В принципе, приятный мужчина, выдержанный, без хамства. В общем-то под статью Толпыгиной, она ведь тоже была приятной женщиной. Должно быть хорошая была пара.

– Ну-ну, попроси секретаря, пусть скомандует доставить Власа. Посмотрим, что скажет. – Путилин откинулся в кресле, скрестив руки на груди.

Гаевский, вышел за дверь, передал приказание начальника Сыскной полиции, потом вернулся в кабинет. За незначительным разговором прошло минут пять-семь ожидания, наконец, дверь отворилась и под полицейским конвоем – два унтера с шашками наголо шли по сторонам – вошёл Влас Дмитриев. Был он хмур, помят, на его щеках проступила синева небритой щетины. По всей вероятности, спать этой ночью ему почти не пришлось. Он недружелюбно и вместе с тем испуганно оглядел присутствовавших и, безошибочно определив, кто здесь главный, остановил взгляд на Путилине.

– Присаживайся, Влас Дмитриев, – Путилин шевельнул бровями, указав на роскошный обитый бархатом стул перед своим столом.

Подозреваемый сел на краешек стула. Он явно робел и выглядел ошарашенным обстановкой важного кабинета: императорским портретом в полный рост, лепниной по стенам и потолку, гардинами с золотой бахромой по краю.

– Разговор у нас будет длинный, – важно начал Иван Дмитриевич, поглаживая свои длинные седые бакенбарды. – Или не очень. Это как ты сам захочешь. Знаешь меня?

– Вы... – Влас запнулся. – Вы – градоначальник?

– Хуже, намного хуже. Я начальник Сыскной полиции, действительный тайный советник Путилин. Иван Дмитриевич. А где мы находимся, знаешь?

– Увольте, ваше высокоблагородие, не знаю.

– Это мой кабинет на Гороховой улице. Это самое высокое здание в Петербурге. Из окна за моей спиной видно даже Нерчинские серебряные прииски. Приглядишься получше, не видишь часом?

– Не-е-ет...

– Кхе... – только и крякнул Иван Дмитриевич. – А я вот вижу. Я вижу тебя прикованным к тачке. В России нераскаянных убийц на рудниках приковывают к пятипудовой тачке. Знаешь для чего?

– Нет.

– Если крепкого мужика просто заковать в кандалы, то он может драться кандалной цепью как кистенём, к нему не подойти, штыком колоть приходится, либо стрелять. Поэтому телесно крепких убийц обычно приковывают к тачке, а тачка весит пять пудов, ею не больно помахашь...

– И что?

– Вот я вижу тебя прикованным к такой тачке... На Нерчинской каторге.

– За что, ваше высокоблагородие?

– А ты, стало быть, греха за собой не знаешь, да?! – пытливо спросил Путилин, возвысив голос.

– Помилуй Бог, ваше высоко... благородие..! Кто ж без греха из нас? Да только вы об чём? – подозреваемый робел всё более. Он старался держаться с достоинством, но всё более бледнел и терялся. – О каком таком грехе вы говорите?

– А ты не понимаешь, стало быть? Хочешь узнать, что мы об тебе знаем?

Неожиданно Дмитриев упал на колени и осенил себя крестным знамением:

– Истинный крест, не пойму я вас... Да вы только скажите, об чём разговор, ваше высокоблагородие, я ж повинюсь, я ж не стану камня за пазухой держать!

– Сядь на стул и не паясничай. – сурово приказал Путилин. – Не люблю я божбы напрасной. Когда преступник дело чёрное делает, то Бога не помнит, а как в каземат попадёт, то тут начинается представление... Я жду от тебя правдивого рассказа о твоих отношениях с Надеждой Толпыгиной!

– Да на что вам далась Надежда? Вот и господин, меня заарестовавший вчера, упомянул... Ну... какие отношения? Да самые обыкновенные... знакомая моя. Полюбовница. Что случилось-то? Что вы на меня надели? – Влас говорил торопливо, глотая окончания и взгляд его метался с Путилина на Гаевского, с Гаевского на Путилина.

– А то случилось, что её вчера нашли убитой, зарезанной, – внушительно заявил Путилин. – Кто-то ей голову почти отрезал.

Дмитриев вмиг ссутулился, схватился руками за голову и беззвучно закачал ею из стороны в сторону, моментально сделавшись похожим на старика. Секунд десять он безмолвно качался на стуле, затем, взяв себя в руки, выпрямился:

– Вы думаете, это я...? Ну да, конечно думаете... Но я этого не делал. Слышите?

– Расскажи, когда виделся с нею последний раз.

– Было это... Господи, когда же это было? сбился, надо же..! Третьего дня это было, часа в три пополудни. Она пришла на рынок в галантерею, ну и ко мне в магазин заглянула. Проведать, значит... – голос его дрогнул. – Разве ж я знал, что вижу её в последний раз, э-эх?!

– А если б знал, то что? – Путилин тут же ухватился за обронённую фразу.

– Плохо мы с ней расстались. Я ведь попенял ей, что на работу ко мне пришла – у нас хозяин этого не любит. А она так весело мне – «а пусть завидуют». Оладьев с мёдом принесла, да.

– Какие у вас с ней были отношения? Вы не ссорились?

– Да чего ж нам ссориться? Женщина ладная, красавица, молодец во всём... Нет, мы пожениться хотели в будущем году.

– А почему в будущем? почему не сейчас? Ведь в грехе жить – душу губить.

– Так-то оно так, но для женитьбы капитал надо какой-никакой скопить, а то что это за жизнь, когда жена у одних хозяев служит, а муж у других, и видятся только по воскресеньям да праздникам? Не-ет, это не жизнь... Жена должна дома сидеть, детей растить, за мужем ходить. Я планировал на будущий год из приказчиков уйти, прикупить булочную, братьёв из деревни выписать, семейное дело закрутить, ну, тут и жениться. Да, видите, Ваше высокоблагородие, как всё обернулось.

– А что ты делал вчера? Опиши весь день.

Влас на секунду задумался, потом твёрдо, словно даже с каким-то облегчением, стал отвечать:

– Да всё как обычно. Открылись в семь. Почти сразу поехал с грузчиком в пекарню, она там же, на другом конце Апраксина двора, загрузили подовой хлеб, привезли...

– Самовывозом, стало быть берёте? – уточнил Путилин.

– Конечно, самовывозом. Так дешевле, быстрее и не зависишь от скорости их развозки. А то ведь не угадаешь, кому первому пекари хлеб повезут: тебе или кому другому.

– Ясно, давай дальше.

– Сгрузили, значит, два возка...

– Когда грузили, ты где был?

– Тут же, сам и грузил вместе с возницами. Я ж только называюсь приказчиком, а так... и жнец, и на дуде игрец, всё делаю. Да там-то работы крепкому мужику на пять минут всего.

– Ясно, дальше давай. Только не ври, Влас, мы ведь всё проверим..!

– Примерно около восьми, стало быть, закончили. Потом в магазине сидел, кассу держал. В девять обычно привозят белую булку. Белый хлеб привозит другой приказчик. Моё дело принять после разгрузки, проследить, чтоб не было недостачи, рассортировать и разложить по поддонам для удобства торговли. Ну и попутно торговать. Всё надо успеть. Так работал до десяти. К этому времени обычно приходит хозяин. Ну, вчера тоже пришёл. Мы с ним ушли в кабинет, правда, это громко сказано: просто закуток позади торгового зала, и я показал ему приходно-расходную книгу. Потом выпили с ним чаю – он завсегда пьёт чай с баранками и липовым цветом.

– Откуда же в апреле липовый цвет?

– Так с лета ещё, засушенный. Целая коробка в закутке стоит специально для Нил Степаныча.

– Так, ясно с чаем. Что дальше?

– Ну вот, потом уже, около одиннадцати, Нил Степаныч уехали, а я пошёл в зал, на подмогу продавцу Фёдору, у него самая торговля пошла.

– То есть ты был в торговом зале? – уточнил Путилин.

– Именно так, выше высокоблагородие. В первом часу пополудни прибежал посыльный из Гостиного двора, там купец Полотенников именины праздновал, так для всех своих служащих заказал кренделей и ватрушек. Я именно его и обслуживал. Да и других обслуживал. Это будет легко проверить. Примерно в два пополудни я пошёл обедать в трактир, знаете, поди» Самовар» в Апраксином переулке? – продолжил свой рассказ Дмитриев, но начальник сыскной полиции его остановил:

– Ключи у тебя были от квартиры Барклай?

– Ключи??? – опешил Дмитриев. – Отродясь никаких ключей от господских квартир в руках не держал!

– А не слыхал ли ты от Надежды Толпыгиной, что барыня её собиралась уехать на несколько дней?

– Нет, про то мы не разговаривали. Не было у нас обычаев хозяев обсуждать. Меня отец учил: справный работник о хозяине не говорит. Вот и мы с нею о хозяевах не разговаривали.

Надя всё про сапожки тараторила, которые в обувной лавке присмотрела, всё звала, чтоб пойти примерить. Но я не мог отлучиться. Хозяин того не любит. Кто ж знал...

– Ладно, Влас, хорошо. Мы твои слова живо проверим. А куда посидишь в кутузке. Спешить тебе всё равно особенно некуда: сегодня тебя ещё следователь будет допрашивать «под протокол». Если твой рассказ подтвердится, спать отправишься к себе домой.

– А вы что же, правда подумали, что это я свою невесту убил? – голос Власа задрожал от сдерживаемой обиды. Он возмущенно подался всем корпусом вперед, словно непременно желая заглянуть в глаза Ивану Дмитриевичу.

– Что я подумал, тебе того лучше не знать! – резко ответил Путилин. – Жизнь – штука с одной стороны хитрая, а с другой – очень даже простая. Всякое бывает. И ревность, и обида, да и люди тоже все разные.

После того как Дмитриева увели конвойные, Путилин опять откинулся на спинку кресла и задумчиво пробормотал:

– Учить я вас не буду, что делать сами знаете. Слова Власа – проверить. Если окажется, что он действительно всё утро был безотлучно в магазине, то его надо отпускать. Эх, как нас задерживает то обстоятельство, что нельзя поговорить с госпожой Мелешевич.

Едва он успел закончить фразу, как в дверь постучали и на пороге появился секретарь. На самом деле его должность в «штатной росписи» Управления называлась непонятно и витиевато – «журналист Сысской полиции», но к литературе его род занятий не имел ни малейшего отношения. Этот человек вёл «журнал происшествий», регистрировал входящие сообщения, готовил сводки и всё это надлежащим образом архивировал; строго говоря, его следовало именовать «референтом» или, на худой конец, «архивариусом». Поскольку все эти профессии для полицейского уха звучали не просто неуместными в этих стенах, а прямо-таки оскорбительными, «журналист» именовал сам себя «секретарём его высокопревосходительства Начальника Управления Сысской полиции».

– Прошу прощения за беспокойство, но на ваше имя, ваше высокопревосходительство, поступило телеграфное сообщение, – важно сообщил он. – Передано-с полицейским шифром из Боровичей.

Путилин жестом подозвал секретаря, принял из его рук бланк.

– Начальнику Управления... м-м... так-так... дальше... – принялся он читать телеграмму. – На полученный запрос... так-так... По свидетельству управляющего имением Синельникова и сторожа Семелюты госпожа Мелешевич последний раз была масленицу тчк Полицмейстер Петров... угу... Отправлено: двадцать пятое апреля, одиннадцать пятнадцать. Оперативно успели, я до полудня и не ждал ответа... Н-да, великая штука телеграф!

Несколько секунд Путилин сидел молча, невидящим взглядом уставившись в пустоту. Затем резко поднялся, оттолкнув кресло.

– Вот что, господа сыщики! Отставить проверять заявление Власа Дмитриева, – громко провозгласил он. – Есть дела поважнее!

– Какие же? – синхронно спросили Гаевский и Иванов, поднимаясь со своих мест.

– Едемте искать труп!

Через каких-то пятнадцать минут Путилин, Иванов, Гаевский, а также урядник и двое рядовых чинов из четвёртого участка Спасской части прибыли к «яковлевке». Зайдя в парадный подъезд, полицейские сразу же увидели, выглянувшего из-за двери своей комнатухи под лестницей дворника. Домоправитель, стало быть, надзор за квартирой обеспечил. Дворник был Путилину незнаком, был он постарше и пошуплее Филимона. Борода веером, старый кожаный фартук на тесёмках. Завидев полицейские мундиры, вышел навстречу, сдёрнул с кудлатой головы картуз.

– Агафон, возьми урядника да ступай на черную лестницу, проверь печати на двери, – негромко распорядился Путилин. – Мы же отсюда зайдём.

Гаевский, внимательно осмотрев печать на бумажном «маячке» и не заметив ничего подозрительного, открыл сначала наружную дверь, а потом внутреннюю. Однако в квартиру полицейские войти не успели: с улицы забежал Агафон Иванов и, заговорщически наклонившись к уху Путилина, зашептал:

– Иван Дмитриевич, у нас непорядок: печать на двери чёрного хода нарушена. Кто-то пытался проникнуть в квартиру, однозначно.

Путилин отправился посмотреть сам. Иван Дмитриевич извлёк из кармана лупу и внимательно рассмотрел наклеенный на дверные створки бумажную полоску с оттиском гербовой печати полицейской части. Полоска не была разорвана, но выглядела вовсе не так, как должен был выглядеть лишь вчера наклеенный «маячок»: клей пропитал бумагу насквозь, и фиолетовый оттиск сделался расплывчат.

– Иван Дмитриевич, обратите внимание, кое-где клей засох прямо поверх бумаги. – шептал в ухо Путилину сыскной агент. – Такого вчера не было, клянусь. Я ведь сам внутренние замки ставил и «маячки» клеил.

– Ай-яй-яй, – покачал головой Путилин. – Это кто же у нас такой умный? Как-то всё некрасиво получается, нас совсем уж за дураков держат в этом департаменте... Похоже, что бумажечку пытались отклеить и, вероятно, даже отклеили, да при попытке вернуть на место здорово нагрязнили. А ты молодец, Агафон! Хвалю за наблюдательность! Что ж, давай, открывай дверь, посмотрим, что таинственный гость сделал с нашим замком на внутренней двери.

Иванов сорвал ленту, открыл замок на наружной двери и, – о удача! – увидел навешенный вчера замок на своём месте. Его внимательный осмотр не привёл к обнаружению царапин, характерных для работы отмычками. Было похоже, что его не вскрывали. После того, как замок отомкнули, Путилин лично осмотрел порог и пол за дверью, ожидая увидеть подозрительные следы. Но ничего такого заметно не было. Что ж, навешенный полицией замок, похоже, задачу свою выполнил, остановив непрошенных гостей.

Войдя в квартиру, полицейские сразу ощутили изменившуюся за сутки атмосферу. Было нетоплено и уже запахло тем специфически-стоялым воздухом, что так характерен для жилых помещений. Путилин лично прошёлся по всем комнатам, внимательно осматриваясь. На первый взгляд всё выглядело так же, как накануне.

– Вот что, братцы, – сказал начальник Сыскной полиции, подозвав к себе полицейских, – я хочу, чтобы вы самым тщательным образом обыскали квартиру. По закону делать этого в отсутствие хозяина нельзя, но что-то мне подсказывает, что хозяина – вернее, хозяйку – нам не удастся найти живой. Осмотрите все узкие и малодоступные места: антресоли, платяные шкафы – что там ещё? – чуланы... Если всё-таки не найдём труп хозяйки, то начнём подымать паркет. Но это позже, после того, как я вернусь. Сейчас я уезжаю к товарищу прокурора, поскольку ждать, пока он соберётся к нам – это только терять время. Через пару часов от силы, а реально, видимо, раньше вернусь и его с собою привезу. Особое ваше внимание обращаю на наличие в доме больших ценностей, поэтому работать вам надлежит вместе; сняв «маячок» с печатью и осмотрев, скажем, платяной шкаф, не забывайте навешивать новый «маячок». Ну, всё, пожалуй, приступайте!

Разжившись у дворника рыбьим клеем, Иванов и Гаевский в сопровождении двух полицейских в форме, прошли по квартире, выбирая, с чего бы начать. Тут, впрочем, не обошлось без подсказки: открыв чулан со старыми вещами, сыскные агенты одновременно почувствовали подозрительный запах – слишком хорошо знакомый специфически-тухлый запах мертвечины. Сыскари только переглянулись – всё было понятно без слов.

Сначала они заглянули в старый шкаф, стоявший в дальнем углу чулана – тот оказался пуст. Затем принялись вытаскивать и раскатывать в коридоре громадные ковры, которых

в чулане было три штуки. Во втором из ковров они и увидели то, что ожидали найти: завернутое в окровавленную простыню тело убитого человека. Перекошенные черты делали лицо неузнаваемым до такой степени, что даже пол невозможно было определить, лишь длинные волосы, собранные в полурассыпавшуюся «кичку», свидетельствовали о том, что ковре находился женский труп. Факт убийства не вызывал сомнений, поскольку на шее и верхней части грудной клетки были хорошо различимы следы двух ударов ножом.

– Сдается мне, Агафон, что это и есть наша «потеряшка», – не без цинизма, которым грешат порой и полицейские, и доктора, сказал Гаевский, отбрасывая с трупа простыню.

– Хорошие мы с тобой сыскари, правда? – с сарказмом в голосе спросил Иванов. – Полдня вчера ходили мимо...

– А ты, Агафон, ещё на вокзал ездил, фотографическую карточку там показывал, с умным видом выступал перед носильщиками – я ж знаю, тебя хлебом не корми, дай только перед пролетарьятом бровями пошевелить, народ попугать! Не жалеешь ты казённых денег, Агафон, не жалеешь, лодырничаешь, не ищешь трупов там, где следует искать.

Агафон Иванов не поддержал ёрничание коллеги, а повернувшись к уряднику, сказал:

– Вот что, братец, пошли самого быстрого человека в участок, пусть телефонирует в Управление Сыскной полиции, сообщит об обнаружении второго трупа в квартире госпожи Барклай. Да пусть не забудет сообщить, что агенты Гаевский и Иванов уже находятся в квартире, а господин действительный тайный советник Путилин был здесь, но отправился к прокурору окружного суда.

Используя ковёр как носилки, перетащили труп в гостиную, там ковёр развернули полностью. Осмотр показал, что простыня, в которую было завернуто тело, в верхней своей части была пропитана кровью куда меньше низа, который на дневном свете выглядел кирпично-бурым. Как и убийство Толпыгиной, смерть Александры Баркалай была чрезвычайно кровавой, что было неудивительно при характере полученных ею ранений. На ковре чернело огромное пятно крови; оно-то и объяснило сыщикам то, как именно было совершено убийство.

– Я полагаю, что нападение началось, когда Александра Егоровна стояла в центре ковра... – заметил Иванов, рассматривая следы крови.

– Либо убийца выволок её на это место. – поправил коллегу Гаевский. – Схватил за волосы или за горло и вытащил на середину ковра. Далее последовал удар в грудь и только затем уже было нанесено полосное ранение шеи.

– Согласен. Скорее всего, он держал её за шею, поэтому не мог сразу ударить в горло, – кивнул Иванов. – Сначала ткнул ножом в грудь, потом убрал руку с шеи и ударил уже по шее.

– В любом случае, кровь должна была проступить через ковёр. Кровищи-то вон сколько, много больше штофа! Вылей-ка столько воды на ковёр, она обязательно проступит на пол.

– Но на полу кровавых пятен не было, за исключением того места, где лежала Толпыгина.

– И это значит...

– И это значит, что убийца замыл кровавое пятно под ковром. Либо постелил поверх него другой ковёр, а этот унёс в кладовку. – резюмировал Агафон Иванов.

– Как бы там ни было, нам важно следующее: а) преступник желал сколь можно долее сохранять убийство втайне и б) он располагал временем для совершения довольно сложных манипуляций с телом. Что скажешь, Агафон? – полюбопытствовал Гаевский.

– Согласен.

Вскоре вчерашняя мизансцена в этой злосчастной квартире повторилась снова: появился полицейского врач, тот же, что и накануне; под окнами остановилась чёрная карета-труповозка, именуемая жителями столицы «холерным экипажем» (в память о холерной эпидемии 1830 г., когда таковые повозки появились впервые) с тремя мрачными всегда пьяными возницами; вновь явились давешние дворники, опять назначенные понятыми; наконец, в дверном проёме возникли светло-синие мундиры с двумя рядами неприлично блестящих латунных

пуговиц, принадлежавшие чиновникам Министерства юстиции -товарищу прокурора окружного суда Эггле и делопроизводителю прокуратуры. Вслед за ними, буквально четвертью часом позже подъехал и сам Иван Дмитриевич Путилин.

– Что ж, господа агенты. – заложив руки за спину начал с самого порога действительный тайный советник. – Дело получается из ряда вон! Вместо brutального убийства женщины-проститутки на бытовой почве у нас оказывается двойное убийство... обе жертвы женщины, причём одна из них является весьма нерядовым членом общества. Ну-с, показывайте мне и господину Эггле, что вы тут отыскиали!

Доклад Иванова был выслушан в полном молчании.

– Судя по тому, как было обставлено убийство, и с какой тщательностью преступник спрятал тело хозяйки квартиры, – принялся рассуждать вслух Путилин, – а так же принимая во внимание тот факт, что в комнатах были задёрнуты шторы, я склоняюсь к выводу, что убийце было важно создать видимость того, будто хозяйка уехала на какое-то время. Но зачем, как Вы думаете, господин Иванов?

– Полагаю, ваше высокоблагородие, что преступник предполагал вернуться в квартиру, дабы забрать нечто, что было тут оставлено, либо закончить то, что было начато, – бодро отта-рабанил Агафон.

Путилин только головой покрутил, да усмехнулся:

– Эк мудрёно завернули, Агафон Порфирьевич! Но по существу верно. Попытка проникновения в квартиру, которую вы обнаружили сегодня, свидетельствует о том же. То, что находится здесь в квартире, очень важно для понимания сути происшедшего, ведь для того, чтобы полезть в опечатанную полицией квартиру, надо иметь очень веские основания. Ну, а раз преступник намеревался ЭТО найти, то и мы займёмся тем же. Надо здесь всё осмотреть. Доско-наль-но, слышите! Простучать всю плитку, стены, тщательнейшим образом проверить полы и плинтуса, искать тайники. Отодвинуть всю мебель, проверить все клееные швы на предмет возможной разборки. Давайте, за работу! Чует моё сердце, в этой квартире должно быть много интересного. Попутно в адресном столе надо отыскать родню хозяйки, пригласить сюда. Пора познакомиться с родственниками.

Начинать было решено с осмотра кабинета. Сыскные агенты резонно рассудили, что именно в этой части квартиры могут храниться деньги и ценные бумаги, которые можно было бы без труда обратить в деньги. Кроме того, тут могли находиться письма и дневники, которые могли бы пролить свет на обстоятельства жизни хозяйки.

В кабинете Александры Васильевны стояло бюро красного дерева и массивный секретер со множеством ящичков, полочек, с коробочками и шкатулками, которые почему-то так нравятся женщинам. Ни секретер, ни бюро не были заперты на ключ, и это была одна из обращающих на себя внимание деталей, ведь обычно, уезжая, хозяева стараются запереть документы и деньги.

На первый взгляд везде царил порядок. Бумаги не были перевернуты или скомканы. Толстые тетради, содержавшие многолетнюю отчётность управляющего имением, лежали отдельно и занимали целый ящик стола. Гаевский почитал записи последней из тетрадей: они датировались 1887 годом. Управляющий фиксировал свои расходы и денежные поступления, как-то: оплату заготовки леса, распила на принадлежавшей Барклай паровой пилораме дюймовых досок и их последующую продажу, перекладку печником дымоходов в оранжерею и тому подобное.

– Вероятно, именно эту отчётность собирался проверять с хозяйкой полковник Волков, – решил Гаевский.

В дальнем верхнего ящика лежала небольшая стопка ассигнаций, перетянутая синей атласной лентой.

– Двести пятнадцать рублей, – пересчитал деньги Иванов.

– А вот именные облигационные билеты Ассигнационного банка, – Гаевский вытащил из другого ящика внушительную пачку ярких красно-синих облигаций размером с книжную страницу каждая и принялся их считать. – На три тысячи семьсот рублей. Да, у госпожи Барклай водились деньги!

Повторный осмотр квартиры превратился в настоящий обыск: просматривалась каждая бумажка, каждая деталь обстановки, простукивалась мебель, стены, печные изразцы. Корзины, коробки, постельные тюфяки и одеяла тщательнейшим образом прощупывались в целях обнаружения вшитых предметов или мешков. Всё, что оказывалось найдено – драгоценности, деньги, бумаги – должным образом описывалось в протоколе и укладывалось в специальные коробки. За такой рутинной кропотливой работой полиции прошёл не один час.

Среди многочисленных бумаг покойной – разного рода счетов, именных облигаций, отчётов управляющего имением за разные года, писем и открыток Агафон Иванов обнаружил преинтересный документ. Это была записка на листе с угловым штампом столичного «Общества взаимного поземельного кредита», датированная девятнадцатым апреля сего года, то есть написанная буквально за пять дней до убийства Александры Васильевны Мелешевич, в которой приводилось описание её имения в Рождественском и рассчитывалась ориентировочная оценка его стоимости. Наличие подобного документа указывало на то, что владелица собиралась либо продавать имение, либо брать кредит под его залог. Ни то, ни другое не казалось чем-то необычным. Самое интригующее заключалось в визитной карточке, подколотой английской булавкой к листу с расчётами: карточка эта принадлежала юридическому консультанту «Общества» Алексею Ивановичу Шумилову.

Человек этот был хорошо знаком Иванову, как, впрочем и множеству других жителей столицы, связанных родом своей профессиональной деятельности либо стечением жизненных обстоятельств с сыском и судопроизводством. Раньше, лет десять тому назад, молодой Шумилов служил в прокуратуре окружного суда, но в ходе расследования скандального дела Мариэтты Жюжеван отважился пойти против корпоративного братства официальных «законников», принял меры к защите напрасно обвинённой в ходе расследования гувернантки, за что и был вынужден уйти из Министерства юстиции. Последующие годы Шумилов помимо официальной службы юрисконсультom в чрезвычайно богатом «Обществе взаимного поземельного кредита» постоянно занимался чем-то вроде частных расследований по самым разным поводам, на чём приобрёл немалую славу весьма специфического свойства. Он не был человеком публичным, как иные писатели или артисты, но знакомых имел массу и, в принципе, был хорошо известен в Санкт-Петербурге. К нему регулярно обращались адвокаты, знакомые и просто люди, попавшие в жернова тяжеловесной и беспощадной полицейской машины, дабы он помог несправедливо обвиненным или заподозренным в совершении преступления доказать невиновность. Шумилов в отличие от адвокатов не просто латал прорехи официального следствия, но зачастую отыскивал подлинного преступника, как это случилось в прогремевшем на всю Россию «деле Мироновича», потрясшем в 1883 году весь Петербург. Посему дорожки сыскных агентов и Алексея Ивановича Шумилова пересекались гораздо чаще, чем того хотелось бы обеим сторонам. Сие обстоятельство не особенно радовало полицию, поскольку Шумилов постоянно обходил Сыскную. Впрочем, это не мешало даже самому Путилину относиться к Шумилову если не с симпатией, то с уважением во всяком случае. Мудрый действительный тайный советник прекрасно понимал, что наличие сильного конкурента подстёгивает агентов и положительно сказывается на конечном итоге сыскной работы. Хотя деятельность Шумилова частенько осуществлялась на грани дозволенного, всё же грубых нарушений закона бывший выпускник Училища Правоведения не допускал и формально не давал повода остановить себя.

– Ваше высокопревосходительство, взгляните, тут знакомые всё лица появляются. – с такими словами Агафон Иванов отнёс листок с расчётами и прикреплённой к нему визиткой Путилину.

Начальник Сыскной полиции внимательно изучил бумагу и задумался.

– Ну, что ж, это даже в чём-то упрощает наше дело. Надо будет потолковать с ним. Агафон, не откладывая в долгий ящик, нанеси-ка господину юрисконсульту визит вежливости. – распорядился Путилин. – Ведь ты, кажется, уже бывал у него на квартире?

– Приходилось, Иван Дмитриевич. – усмехнулся Агафон. – Что сказать ему? Может, какие-то особые пожелания будут?

– Я знаю, он тебя поить начнёт. Не пей в гостях много дармового коньяку.

Во второй половине дня в квартиру приехал извещённый об убийстве Александры Васильевны её сын – Дмитрий Николаевич Мелешевич. Это был щеголеватый мужчина с тросточкой, лет за тридцать; впрочем, на самом деле ему было всего лишь двадцать семь, но в стремлении добрать солидности он отпустил бородку клинышком, которая его заметно старила, и отрастил брюшко, отчего его фигура приобрела тяжеловесность и некий «бабий» оттенок. Был он мрачен, но особого горя не выказывал. С полицейскими держался свысока, равнодушно-барски.

– Скажите, Дмитрий Николаевич, вы поддерживали с матушкой тесное общение? – спросил Путилин, уединившись с Мелешевичем в кабинете.

– Что значит «тесное»? – нехотя отозвался тот, не устаивая начальника Сыскной даже взглядом. Заложив ногу на ногу, он принялся внимательно рассматривать острый нос лакированных штиблет, видимо, совсем недавно оцарапанный.

– Отвечать вопросом на вопрос в среде воспитанных людей почитается дурным тоном, – спокойно заметил Путилин. – Умничать передо мной не надо, сие может иметь для вас совсем не те последствия, на которые вы рассчитываете. Перед собою вы видите действительного тайного советника, должностное лицо второго класса, так что потрудитесь сесть подобающим образом!

Мелешевич даже в лице переменился; моментально опустил ногу и сел, выпрямив спину, как ученик-отличник.

– Простите, ваше высокоблагородие, я действительно не понял вашего вопроса.

– Под «тесным» общением русские люди обычно понимают духовную привязанность, которая, увы, зачастую исчезает по мере взросления детей. – спокойно пояснил Путилин, не спуская немигающего взгляда с лица Мелешевича. – Я хочу знать, обсуждала ли Александра Васильевна с Вами свои планы, вникали ли Вы, как любящий и заботливый сын, в её дела.

– Ну-у, видите ли... жили мы на разных квартирах. И сферы приложения сил у нас были... э-э... различные.

– Что сие означает?

– Я живу интересами службы, а матушка... ведёт... в смысле, вела... – поправился он, – жизнь, соответствующую своему возрасту: пасьянс, визиты к таким же дамам послебальзаковского возраста, вот разве что с братцем своим носилась неумеренно.

– С Николаем Николаевичем Барклаем? Тот, что знаменитое путешествие совершил? – уточнил Путилин. – Или был какой-то другой брат?

– С ним, да. То есть, братьев у неё много, но в данном случае я имел в виду именно Николая Николаевича, географа и этнографа. Я, конечно, понимаю – родство со знаменитостью греет тщеславную душу, но по мне чем такая слава, как у дяди, лучше уж вообще без неё.

– Ну, почему же? Он громадное дело сдал для отечественной и мировой науки...

– Помилуйте, – перебил Путилина Мелешевич, – рассказывать, как тебя чуть не съели на завтрак дикари – это, по-вашему, слава, о которой можно мечтать? Грибоедов, по крайней мере, погиб, выполняя государственную миссию. А за что рисковал жизнью дядюшка? За то, чтобы доказать, что объём черепа полинезийца равен среднестатистическому объёму черепа белого человека? Нёс, так сказать, идеи гуманизма и человеческой общности? Они – эти идеи –

того стоят, на ваш взгляд? А эта мысль создать русскую колонию там, в этой папуасской земле? Будем базировать Тихоокеанский флот на Полинезию! Он всерьёз обсуждал этот вопрос с родным братом, другим моим дядюшкой, тот военный капитан. Затем Николай Николаевич обосновывал идею о создании под протекторатом России государства Папуас и даже поднимал этот вопрос в Географическом обществе. Матушка, главное, носилась с этими идеями как... как курица с яйцом, уж извините. Даже иной раз за неё становилось неудобно. Когда меня на официальном приёме – а я ведь работаю в Министерстве иностранных дел! – английский дипломат вдруг начинает расспрашивать, правда ли, дескать, что я со своей матушкой собираюсь переселяться на этот Берег Барклая, будь он неладен, я просто сквозь землю готов провалиться от стыда!

Путилин был явно озадачен эмоциональным всплеском двоюродного племянника знаменитого путешественника.

– Значит, Вы не разделяли восторгов Вашей матушки... – проговорил начальник Сысской полиции.

– Нет, не разделял, – уже с нескрываемым раздражением подтвердил Мелешевич. – И, главное, мне непонятно, откуда что взялось: она ведь ему не родная, а всего лишь двоюродная сестра. Ну, подумаешь, детство провели вместе. Потом он уехал и его не было пять лет: учился за границей и путешествовал. Вернулся, год-полтора прожил в России и опять уехал. Всё ему дома не сиделось! Зуд странствий! И опять его не было Бог знает сколько времени, потом – «здра-ас-сте, вот он я, великий землеоткрыватель и ученый». Все пляшут вокруг него и его креольско-голландской жены и дочек. И матушка плясала больше всех! ну, да ладно, что уж теперь.

Дмитрий словно опомнился и почувствовал неуместность своего сарказма в это время и в этой обстановке.

– Я хотел бы предложить вам осмотреть вещи вашей матушки, вдруг пропало что-нибудь, – сказал Путилин. – Но сначала соблаговолите взглянуть на список ценностей, обнаруженных в квартире. Здесь, как видите, две графы: в одной – описание вещи или документа, а в другой – место, где его нашли.

Дмитрий впился глазами в бумагу. Путилин же внимательно следил за его лицом. Было заметно, что некоторые строки Мелешевич перечитывал по несколько раз, скользя глазами по одному месту опять и опять.

– Тут написано: «брошь золотая в виде ящерицы, с тремя изумрудами и перстень золотой с одним изумрудом – в потайном ящике в ножке стола в кабинете»... – пробормотал он изумленно.

– Да, мы обнаружили несколько профессионально изготовленных тайников: в массивных ножках письменного стола, между двойной задней стенкой бюро, в бельевом отделе шкапа в спальне, если точнее внутри перегородки бельевого отдела. Все они весьма хитроумно устроены, причём сделано это было во время изготовления мебели. В тайниках находились драгоценности. Вы почитайте дальше, там всё указано.

Судя по вспотевшему лбу Мелешевича и растерянному забегавшим глазам, услышанное явилось для него новостью. Вполне возможно, что мать скрывала от сына-транжиры своё истинное богатство, опасаясь, что он начнёт давить на неё и рано или поздно заставит расстаться с драгоценностями. А это, как и для множества дам её круга было равносильно краху всей жизни.

– А скажите, ваше высокопревосходительство, а что же теперь будет со всеми этими ценностями? Они теперь мои? И если нет, то каков порядок их поступления в моё владение? – полюбопытствовал Дмитрий.

– Если было надлежащим образом составлено завещание и назначен душеприказчик, то всё будет очень просто. Душеприказчик распорядится всем имуществом согласно завещанию

покойной. Если же такого рода распоряжений не было сделано, то после официального уведомления через газеты придётся ожидать полгода поступления заявок от наследников.

– Гм-м... Но главный-то наследник – я! Вы хотите сказать, что наследование родного сына не безусловно, возможно какое-то оспаривание?

– Я хочу сказать, что существует целый раздел юриспруденции, исследующий все нюансы такого рода взаимоотношений, этот раздел называется «наследственным правом». Родной сын отнесён к наследникам первой очереди, но его наследование не является «безусловным», как вы изволили выразиться. При определённых обстоятельствах даже родному сыну может быть отказано во вступлении в права наследства, – спокойно проговорил Путилин. – Но, Дмитрий Николаевич, пожалуйста, не отвлекайтесь и посмотрите ещё на список.

Мелешевич ещё несколько секунд помедлил, словно не в силах оторваться от завладевшей его вниманием мысли, но потом, сделав над собой усилие, вновь углубился в чтение.

– Мне известно, что у матушки было большое количество облигаций коммерческих банков на предъявителя. Я сам однажды увидел их целую пачку, – он раздвинул пальцы на четверть вершка, показывая, какой толщины была виденная им пачка, – они были увязаны красной атласной лентой. Но в этом списке их нет, тут только именные облигационные билеты. Если матушка переложила облигации в какие-то иные ценные бумаги, то тогда они должны быть здесь, но... нет ни того, ни другого, – наконец изрёк он.

– Вы сказали «вложила». Она что же, хорошо разбиралась в ценных бумагах и финансовых вложениях?

– Насколько я знаю, у нее был бухгалтер, или брокер, доверительный управляющий, как теперь говорят. Служил на Фондовой бирже, подсказывал ей, что покупать, что продавать. За процент, естественно.

– А фамилию его знаете?

– Штромм, по-моему.

Путилин сделал пометки в своем блокноте.

– Еще один вопрос, Дмитрий Николаевич, а были ли у Александры Васильевны ещё близкие родственники? Ну, кроме знаменитого дяди? – поинтересовался Путилин.

– Да, у матушки всего четверо братьев и сестра, правда, все они не родные, а двоюродные. Из оставшихся в живых в Петербурге сейчас проживает только дядя Иван Николаевич, он капитан второго ранга.

– А с кем теснее всего общалась Александра Васильевна? Может, у неё были подруги?

– Ну-у, – замаялся Мелешевич, – насчёт подруг не скажу, а полковник Главного штаба Волков, бывший друг отца, думаю, часто навещал матушку.

– Хорошо. – кивнул Путилин. – Мне надо, чтобы вы ещё кое-что объяснили. Идёмте со мной!

Начальник сыскной полиции в сопровождении Дмитрия Мелешевича прошёл в комнату, служившую хозяйке библиотекой. В громадных, почти до потолка книжных шкафах, стоявших вдоль стен и в простенке между окнами. На их полках теснились ряды фолиантов, блестящих сквозь стёкла золотым тиснением корешков. Однако, Путилин, не проявив интереса к книгам, подошёл к двух шкафов, задвинутым в самый угол за дверь. Содержимое этих шкафов при ближайшем рассмотрении можно было с полным основанием счесть весьма необычным для петербургской квартиры: на полках во множестве располагались странные фигурки и статуэтки самых невообразимых видов и размеров. Изготовленные из разнообразных материалов – золота, терракоты, необычных камней – статуэтки эти изображали жуков, людей с головами птиц, а также в необычных головных уборах. Многие из этих странных предметов были расписаны невиданными значками. В нижней части обоих шкафов стояли большие, примерно в аршин высоту, терракотовые сосуды, похожие на кувшины, только лишённые горлышка:

верхние части сосудов венчали изумительно вылепленные головы человека, собаки, коршуна и шакала. В каждом из шкафов помещалось лишь по два таких сосуда.

– Что это такое, расскажите мне, – попросил Путилин, указав на шкафы.

– Это часть египетской коллекции Николая Николаевича Барклая. Ещё до того, как заняться Полинезией, Николай Николаевич изучал Древний Египет. Он там побывал в составе большой экспедиции, устроенной немцами. Вывез много чего интересного. Основная часть коллекции была им вручена Географическому обществу, часть предметов он оставил у себя. Поскольку он не имел в Петербурге своей квартиры и много времени проводил в разъездах, то отдал оставленные предметы родственникам, в том числе и матери.

– Этот жёлтый металл золото? – уточнил Путилин, указав на фигурки жуков, расставленных в ряд на одной из полок.

– Да, эти скарабеи золотые.

– А вот это что такое? – начальник Сыскной полиции показал на терракотовые сосуды в нижней части шкафов.

– Это канопы, сосуды для хранения внутренностей набальзамированных людей. Матушка мне все уши прожужжала, рассказывая, какому богу посвящен каждый сосуд. У нее даже списочек был составлен, вы поищите получше, наверное, где-нибудь в бюро. Для меня же запомнить это все... вы же понимаете, это просто пытка. Для светского человека... – взглянув на Путилина, он внезапно осекся и после секундного замешательства продолжал, – Вот эта канапа с головой человека предназначена для хранения желудка и больших кишок. Та, что рядом, с головой собаки, – для мелких кишок. Вот эта, с головой сокола, содержит печень и желчный пузырь. А здесь, видите, крышка выполнена в виде головы шакала, – там сердце и лёгкие.

– И они всё ещё там?

– Ну конечно. Канопы запечатаны. После помещения внутрь каждой из каноп соответствующих органов, крышка сажалась на так называемый «пластер», органический клей, который ее герметично запечатывал.

– Это очень дорогие предметы? – уточнил Путилин.

– Канопы? Нет. Их отыскивают в Египте в больших количествах. Здесь есть гораздо более ценные во всех отношениях предметы... я хочу сказать, ценные как исторический памятник, и как ювелирное изделие. Вот, например, посмотрите: полкой выше стоит ушебти – маленькая статуя бога Озириса – с прекрасно читаемыми надписями. Дело в том, что на большинстве ушебти надписи нечитаемы. За эту же любой музей заплатит очень большие деньги. А вот рубиновый скарабей. Очень ценная вещь во всех смыслах. Вот женский браслет со скарабеем: тут и золото, и сердолик, и снова рубин. Целое состояние стоит. Вон ажурные кольца: снова золото и рубин. И таких вещей тут немало, думаю, не одна дюжина.

– Вы хорошо разбираетесь в древнеегипетской атрибутике... – проговорил Путилин и было непонятно, то ли он задавал вопрос, то ли констатировал факт.

– Ну, не так чтобы очень... Вот матушка – та да, просто одержима была. А мне – ну, не, то, чтобы все это было очень интересно, но надо всё же разбираться в том, чем тебе, возможно, придётся владеть. Хотя бы для того, чтобы не дать обмануть себя при продаже. – простодушно объяснил Дмитрий Мелешевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.